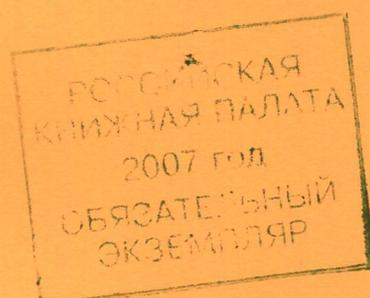

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 188

Э.Г. АЛЕКСАНДРЕНКОВ

ИНДИХЕНИЗМ

В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

ПОЛИТИКА И НАУКА О КОРЕННЫХ ОБИТАТЕЛЯХ

**Москва
2006**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 188

Э.Г. АЛЕКСАНДРЕНКОВ

ИНДИХЕНИЗМ

В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

ПОЛИТИКА И НАУКА О КОРЕННЫХ ОБИТАТЕЛЯХ

**Москва
2006**

ISBN 5-201-13758-x (49)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 188.

Редакционная группа:

В. А. Тишков (отв.ред.)
Н. А. Лопуленко
М. Ю. Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 188

Э.Г. АЛЕКСАНДРЕНКОВ

**ИНДЕХИНИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ
(ПОЛИТИКА И НАУКА О КОРЕННЫХ ОБИТАТЕЛЯХ)**

Об авторе

АЛЕКСАНДРЕНКОВ Эдуард Григорьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Область научных интересов – этническая история Латинской Америки; проблемы, источники и методы этнографического изучения Латинской Америки; история этнографии. Автор множества научных трудов, в том числе монографий: «Индейцы Антильских островов до европейского завоевания». М., 1976 и «Стать кубинцем: проблемы формирования этнического самосознания (XVI-XIX вв.)». М., 1998.

About the Authors

EDWARD ALEXANDRENKOV

Doct. of Hist., leader researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology RAS. Fields of scientific interests: ethnic history of Latin America, the problems, sources and methods of ethnographic researches, the history of ethnology. The author a lot of publications including monographies: «The Indians of the Antilles Islands» (Moscow, 1976), «To become the Cuban: problems of formation of ethnic self-consciousness (XVI-XIX)» (M., 1998).

Summary

ALEXANDRENKOV E. INDIGENISMO IN LATIN AMERICA (POLITICS AND SCIENCE RELATIVE TO NATIVE POPULATIONS)

Indigenismo is the politics of some states of Latin America intended to fuller inclusion of aborigines (*indígenas*) in different areas (primarily economics) of the national state life. With this, the aborigines have been considered quiet often one obstacle to the development of corresponding nation.

The anthropologists have played certain part in the balance of the relations between aborigines and the state. In the beginning of the *indigenismo* the scholars, with few exceptions, had taken the position of nationalization of the aboriginal cultures, which presumed the dissolving of cultural aboriginal diversity. Now they defend the aborigines' right to select their destinies for themselves, and are convinced of the possibility to conserve the original aboriginal cultures. This situation was favored largely by the growing up of political activity of the natives. The multiethnicity of some states has been recognized in their new Constitutions, which is radically opposite to postulates of initial *indigenismo*.

The experience of *indigenismo* has demonstrated that the scholar can not be a successful manager in realization of plans to reconstruct some cells of the society. Social changes in Latin America have not been materialized by the scientists' efforts but by the masses' movements. However, the role of consultant and expert as the civic position of the investigator can take considerable importance in the resolving the social problems.

Индихенизм (исп. *indigenismo*) – государственная политика в странах Латинской Америки по отношению к коренным народам (*indígenas*), осуществляемая с активным участием ученых. Этот индихенизм следует отличать от индихенизма в искусстве и от индеанизма (*indianismo*) как одного из движений индейцев (*indios*) за свои права. В этой работе будут представлены лишь наиболее значительные или интересные проявления индихенизма.

Прежде всего следует иметь в виду, что точно определить число аборигенов в каждой стране Латинской Америки и, соответственно, в целом, не удастся. Данные, приводимые исследователями и чиновниками, а теперь и самими аборигенами, как правило, расходятся (у последних численность всегда больше). Сторонники больших количеств полагают, что многие люди скрывают свое аборигенное происхождение. Кроме того, во многих случаях местные «прогрессивные» власти жаждут любой ценой доказать, что у них нет индейцев или их мало¹.

Тем не менее даже приближенные данные дают представление о доле коренных обитателей в населении региона. Так, по одному из подсчетов в 1989 г., в двух странах Латинской Америки аборигены составляли больше половины жителей: в Боливии – 71 % (4,9 млн. аборигенов), в Гватемале – 66 % (5,3 млн. аборигенов). В Перу 9,3 млн. аборигенов составляли 47 % населения, в Эквадоре 4,1 млн. – 43 %. Больше всего аборигенов проживало в Мексике – 12 млн., но их доля в населении страны не превышала 14 %. В других странах их насчитывалось от нескольких десятков тысяч до одного миллиона, и от менее одного процента до 19 %. Всего в Латинской Америке тогда насчитывалось около 40 млн. чел. аборигенов, подавляющее большинство которых обитало в Мексике, Гватемале и в андских странах².

Этнические общности аборигенов различаются по численности (от нескольких индивидов до миллионов человек); но вне зависимости от этого уровень самоидентификации индейца до недавнего времени ограничивался в большинстве случаев общиной. Индейское население той или иной страны может быть разнородным по языку, направленности хозяйства и культуре, по степени адаптации к окружающему («национальному») обществу, тоже не однородному.

Отношение к аборигенам в колониальный период и в XIX в.

После первого плавания Колумба к Антильским островам римский папа Александр VI даровал «в вечное владение», как говорилось в его булле, «все острова и материи, найденные и те, которые будут найдены». Открытие новых земель рассматривалось в одной цепи с завоеванием арабской Гранады как «возвеличение католической веры и христианской религии и ее укрепление и распространение ради спасения душ и ради смирения и обращения в эту веру варварских народов»³. Распространение веры долго объявлялось испанскими королями главной целью завоеваний в Америке. Об этом, например, говорится в первой статье договора между Кортесом и губернатором Кубы Веласкесом, который выступал от имени короля. Лишь где-то в середине договора зашла речь о том, что местные жители должны будут подчиниться королю и в знак подчинения, по доброй воле, дать много золота, камней, серебра, жемчуга и другого, что есть⁴.

Испанские власти не готовились к тому, что им предстоит завоевывать огромный континент, населенный многими неизвестными и разными народами, которыми надо будет управлять. Осмысление этого политиками

(королевской администрацией) и учеными (геологами и философами) происходило постепенно. Практики (завоеватели и колонисты) вынуждены были это делать более оперативно. Новые области завоевывались лицами, получавшими соответствующие разрешения от государей. В договорах между сторонами, как правило, содержались призывы к хорошему обращению с будущими вассалами. Но у завоевателей, отправлявшихся в далекую Америку, на первом месте была цель не обратиться в католичество аборигенов, а разбогатеть, и как можно быстрее. Взаимоотношения между испанскими конкистадорами и местными жителями регулировались не столько распоряжениями короля и законами, составившимися для Индии в метрополии, но и чаще всего устремлениями испанцев, попавших в Америку. Несоответствие интересов короны и отдельных завоевателей и колонизаторов и впредь было свойственно колонизации Америки.

Основой отношения завоевателей и колонизаторов к местному населению было убеждение в собственном превосходстве, как в физическом и военном, что было очевидно, так и в духовном. Среди части европейцев имело место сомнение в том, что коренные обитатели Америки – люди. Лишь немногие европейцы XVI–XVII вв. отваживались говорить о том, что аборигены в некоторых сферах жизни равны древним или современным им народам. Проводимая по отношению к аборигенам политика была политикой угнетения: экономического, социального и мировоззренческого. При регулировании этих неравных отношений сложилось законодательство, которое оказалось весьма пространном в Испании, как стране, захватившей обширнейшие территории в Америке⁵. Это законодательство имело некоторые различия территориального порядка и несколько менялось во времени.

Поначалу основой эксплуатации аборигенов стало их разделение между конкистадорами – т. н. *repartimiento* (разделение) или *encomienda* (вручение, поручение). Королевской властью или решением конкретного губернатора, которое должно было быть под-

тверждено королем, каждый из завоевателей получал в свое пользование (обычно пожизненно) какое-то количество местных жителей. Существовали некоторые условия, на которых осуществлялась энкомьенда – испанец должен был следить за своими индейцами, учить их какому-либо ремеслу, обучать католической вере, давать им одежду и пищу за работу и др.⁶ На деле, однако, испанский поселенец старался выжать максимальную прибыль из труда доставшихся ему индейцев, которых не могли уберечь от этого ни законы, ни усилия отдельных лиц.

В некоторых регионах энкомьенда была отменена на протяжении XVI в., в других продержалась до первой четверти XVIII-го. Индейцы, находившиеся вне энкомьенды, были сконцентрированы в поселениях на выделенных для них землях. Мужчины в возрасте от 18 до 50 лет платили подушную подать (*tributo*) в деньгах или натурой. Кроме этого, имели место обязательные поочередные работы на испанцев, известные как *mita* – более всего в земледелии и на рудниках, но также и на строительстве, прокладке дорог и др.⁷

Одним из рычагов управления местными народами было навязывание им европейского мировоззрения в форме христианства. В районах со значительным индейским населением, в бывших центрах древних американских цивилизаций и крупных государственных образований, в Мексике и Перу, испанцы имели возможность целенаправленно проводить свою политику обращения индейцев в католицизм. Иногда делались попытки сделать это мирно, но они, как правило, не достигали цели, христианство навязывалось силой, при этом уничтожались материальные воплощения прежних взглядов на мир – храмы, изображения божеств, книги, мумии предков. Тем не менее, нематериальная суть прежних верований осталась. Чтобы бороться с индейскими верованиями, многие католические монахи старались узнать о них как можно больше, в результате чего появилась многочисленная литература.

Борьба с местными верованиями сопровождалась активной миссионерской деятельностью

стью членов различных католических орденов. К концу XVI в. в Америке были сотни и тысячи членов разных католических братств: францисканцев, доминиканцев, августинцев, иезуитов и других. В некоторых местах были построены школы, где обучались индейцы. В одной из таких школ в г. Мехико насчитывалось до 1 тыс. индейцев, которым давали религиозное и светское образование, а взрослых учили изготовлению предметов культа⁸. В городах Центральной Мексики монахи настолько преуспели, что уже в 30–40-е гг. XVI в. обращенные индейцы стали помогать испанцам искоренять верования своих отцов⁹.

Вдали от городских центров, на обширных территориях миссионеры создавали т. н. редукции, т. е. поселения индейцев, собранных из разных мест. Для этого организовывались экспедиции, и найденных индейцев принуждали переселиться. Редукции были системой контроля над коренным населением, подразумевавшая не только обращение в христианство людей, веривших во множество разнообразных божеств, но и унификацию других сфер культуры. Люди разного этнического происхождения, нередко говорившие на разных языках, жили по общим правилам, строили одинаковые жилища, носили одинаковую одежду, общались на одном языке (не всегда это был язык миссионеров) и т. д. Особенно известными стали иезуитские миссии в Парагвае, где было создано 30 редукций с населением около 150 тыс. чел. При этом монахов было около 400. Христианская доктрина доносилась до аборигенов на местных языках, для чего на них переводили Библию и катехизис.

Основным этнодемографическим следствием первых двух веков завоевания и колонизации Америки стало резкое уменьшение численности аборигенов в целом и исчезновение отдельных народов или этнических групп. Есть разные методики подсчетов предполагаемой численности коренного населения Америки к концу XV в., они дают разброс от нескольких миллионов человек до более 100 млн. Исследования современных ученых показали, что на некоторых территориях демографические потери могли составлять до 95 % населения за первый век «контакта» с евро-

пейцами. Главной причиной были завезенные европейцами болезни, против которых обитатели Америки не обладали иммунитетом. Можно предположить, что важными причинами демографического упадка были также разрушение прежнего образа жизни, а также непривычный труд на рудниках и другие тяжелые работы. Местные жители втягивались во вражду между колониями разных стран. Европейцы поощряли междоусобные войны у индейцев, смертоносность стычек усилилась с использованием огнестрельного оружия. В первую очередь опустели Антильские острова, побережья Венесуэлы, Бразилии и Перу, сократилась численность населения и на землях, когда-то подвластных ацтекам и инкам.

В тех областях, где аборигены попали в прямую зависимость от колонистов, их прежняя система социальных отношений на самом высоком уровне была разрушена – верховные вожди уничтожались или становились вассалами, полностью зависевшими от победителей. В некоторых местах вожди сохраняли свое положение на локальном уровне в течение нескольких десятилетий. Затем местные институты были вытеснены муниципальными формами управления. Самым, пожалуй, важным было то, что индейцам не была позволена организация в виде этнической группы¹⁰, и испанские власти управляли аборигенами на уровне отдельных общин. У переживших конкисту индейских общин был сохранен принцип коллективного землепользования. Но их земли постоянно подвергались давлению со стороны колонистов и сокращались в размерах. Происходило то, что можно назвать, следуя Марксу, «первоначальным накоплением капитала»¹¹.

Там, куда не распространилась власть пришельцев и их потомков, традиционные формы общественных отношений у аборигенов либо изменились мало (главным образом, в обширной Амазонии), либо модифицировались под влиянием трансформаций в собственном хозяйстве. У народов, ставших скотоводами (прежде всего, на обширных степях юга материка, но и в некоторых других местах), сложилась заметная социальная дифференциация.

Ко времени завоевания независимости странами Латинской Америки в первой четверти XIX в. соотношение коренного и потомков пришлого населения было в разных странах неодинаковым. Более всего коренных обитателей сохранилось в Мексике, Гватемале и в странах Центральных Анд. В некоторых других странах произошло значительное увеличение европейского населения за счет массовой иммиграции, начиная со второй половины XIX в. (прежде всего, в Аргентине и Бразилии).

После завоевания независимости латиноамериканскими государствами в них с разной интенсивностью стали осуществляться буржуазные реформы, в первую очередь, по закреплению и расширению частной собственности на землю. Политика правительств по отношению к коллективным землям, в частности, индейским, была важнейшим фактором истории каждой обретшей независимость страны. Ее различия в пространстве и изменения во времени определялись, главным образом, потребностью господствовавших слоев общества в природных ресурсах тех территорий, которые занимали индейцы, количественным соотношением аборигенного и другого населения, и в некоторых местах – социальной активностью аборигенов.

На этом этапе борьба за приватизацию аборигенных земель велась без выработки особой политики в отношении культуры аборигенов. Видимо, потому, что даже в странах, где аборигены составляли значительную часть населения, национальное государство строилось как родина креолов¹².

В Мексике начало наступления государства на общинное землевладение относится к середине XIX в. У аборигенов были изъяты десятки миллионов гектар земли. Обезземеливание было одной из основных причин восстаний индейцев и привело к революции 1910 г. Как и в некоторых других странах Латинской Америки, правящие круги пытались «выбелить» Мексику, т. е. привлечь иммигрантов из Европы. Но эта попытка не удалась, и индейцев попытались «цивилизовать» через школы и вытеснение местных языков. Но эти уси-

лия в то время не вышли за пределы городов. Считалось также, что «казарма цивилизует индейца»¹³.

В Гватемале наступление на общинную земельную собственность началось в 1870-е гг. Этот процесс был вызван расширением производства кофе, на который стал расти спрос на международном рынке. С этого времени культура аборигенов стала претерпевать значительные трансформации¹⁴.

Из стран южноамериканского континента наибольшее количество аборигенов проживало и проживает в Перу и Боливии. В Перу после завоевания независимости попытки разрушить общинное землевладение потерпели неудачу, а в Боливии оно было формально упразднено¹⁵.

В Перу, как и в Мексике, надежды возлагались на то, что армейская казарма станет горнилом, где индеец перестанет быть индейцем, «присоединяясь окончательно к цивилизации». Но этого не случилось, не дали заметных плодов и попытки распространить среди аборигенов образование¹⁶.

В Колумбии индейцы принимали слабое участие в войне за независимость. Но они были участниками гражданских войн на протяжении всего XIX в. Некоторые из них продвинулись до высоких военных и административных постов, становились членами политических партий¹⁷.

Сохранившиеся в некоторых местах общинные земли аборигенов, т. н. *ресguardo*, постоянно сокращались. Несколько законов с 1821 по 1843 гг. легализовали раздел общинных земель (в том числе индейских, право собственности на которые индейцами было провозглашено в 1820 г. Боливаром). Неоднократные запреты на продажу индейских земель не помогали, и к середине XIX в. большая часть общинников их лишилась¹⁸.

В Бразилии ко времени обретения независимости огромные пространства территории во внутренних областях не были «освоены», там продолжали обитать аборигены. Наступление на их земли началось в 70-е гг. XIX в. и усилилось к концу того же века, особенно в связи с так называемым каучуковым бумом.

Это привело к значительному сокращению численности некоторых групп индейцев или их полному исчезновению¹⁹.

Своеобразная ситуация с аборигенами сложилась на юге Чили. В колониальный период обитавшие там арауканы оставались независимыми от центральной власти. Но с середины XIX в. туда стали переселять иммигрантов, отведя им обширные земли, а индейцам – резервации. С начала XX в. на территории резерваций стали строить железные дороги. Общинная собственность на землю была замещена частной²⁰.

В Аргентине, как и в других странах, многие индейские группы исчезли в период начальной колонизации страны. Но затем на ее территорию с запада пришли носители арауканских языков. Как и в Чили, они долго сохраняли свою независимость. В 70-е гг. XIX в. в связи с развитием экономики, усилением иммиграции из Европы и необходимостью приобретения новых земель для колонизации было предпринято наступление на индейцев севера и запада страны. На юге скотоводы Пампы были оттеснены за Рио-Гранде. С этого времени началась дезинтеграция их культуры. В Патагонии и на Огненной земле также проходил захват индейских земель²¹. Примером отношения латиноамериканцев и европейцев к аборигенам Огненной Земли может служить тот факт, что на Всемирной ярмарке 1889 г. и в разных городах Европы их показывали как каннибалов²².

Необычность ситуации в Парагвае была в том, что, начиная с колониального периода, большая часть его населения в быту говорила на индейском языке гуарани. Еще до конца XIX в. он стал восприниматься парагвайцами как их национальная особенность. Возникло движение за равноправие гуарани с испанским языком в официальной сфере. С начала XIX в. стала издаваться литература на гуарани (иезуиты в своих редукциях делали это столетием раньше). Но это несколько не способствовало положительному отношению к сохранившимся группам аборигенов. В начале XX в. да и позже, многие парагвайцы считали, что убить индейца – не преступление²³.

Мексика

Сложение в Латинской Америке государственной политики по отношению к аборигенам, осуществляемой с помощью ученых, получившей название индихенизма, относится ко времени после окончания революции в Мексике. Как пишут нынешние мексиканские исследователи, революционный национализм не мог игнорировать живого индейца, в отличие от предыдущего периода²⁴.

Кроме того, для индустриализации страны необходимо было единение под властью государства прежде разрозненных территорий. В стране, раздробленной регионально и различной этнически, важной целью стало создание объединяющей идеологии. Для этого правительство использовало антропологию и историю²⁵.

Здесь следует иметь в виду, что во многих странах Латинской Америки на первоначальном этапе развития этнография (или этнология) следовала европейским тенденциям. Культура индейцев рассматривалась как пережиточная, находившаяся на грани исчезновения и нуждавшаяся в регистрации и изучении для познания прошлого. События в Мексике, где коренное население активно участвовало в буржуазно-демократической революции начала XX в., ускорили осознание того, что индеец – согражданин и соучастник современной жизни.

После революции 1910 г. в Мексике пришедшие к власти группы продолжали считать, как и их предшественники, что метисы должны оставаться господствующим этническим элементом и руководящим политическим классом и что мексиканское общество должно быть культурно гомогенным, а не метисы должны интегрироваться как можно скорее²⁶. Даже некоторые из членов недавно образованного Мексиканского индианистского общества (*Sociedad Indianista Mexicana*) утверждали, что «лучший способ пробудить народы, состоящие из относительно чистых рас», – скрещивание, т. к. «смешение этнических элементов производит прогресс», хотя и при-

знавали исключения (напр., китайцев с индейцами)²⁷.

Как заметил один из нынешних исследователей, перед лицом «аборигенной проблемы» Революция искала теоретическое обоснование²⁸. Первый профессиональный мексиканский антрополог М. Гадио на II Панамериканском научном конгрессе в 1915 г. предложил создание в каждой из, как он говорил, индо-латинских стран учреждений, которые занялись бы изучением коренных обитателей с целью «ускорить их развитие и присоединить их к современной цивилизации». В 1916 г. Гадио публикует книгу «Выковывая родину» (*Forjando patria*), в названии которой явно отразилась концепция «плавильного котла», определявшая в то время политику США по отношению к иммигрантам. В 1917 г. (год принятия новой конституции) в Мексике при правительстве было образовано Управление антропологии (*Dirección de Antropología*), которое Гадио возглавлял до его упразднения в 1925 г. В разработанной им программе намечалось: 1) изучение расовых характеристик, проявлений материальной и интеллектуальной культуры, языков и диалектов, экономического положения и условий физической и биологической среды региональных групп населения (*problaciones regionales*), нынешних и прежних; 2) изучение средств, которые должны применяться, чтобы эффективно способствовать физическому, интеллектуальному, моральному и экономическому развитию названного населения; 3) подготовка расового сближения, культурного слияния, языковой унификации и экономического равновесия названных групп, которые только таким способом, полагал Гадио, сформируют сплоченную и определенную национальность и настоящую родину²⁹.

Гадио утверждал, что антропология «должна являться базисным знанием для осуществления хорошего правления, т. к. посредством нее узнается население, являющееся сырьем, которым управляют и для которого управляют». Гадио призывал – «Чтобы инкорпорировать индейца, мы не претендуем европеизировать его одним ударом, наоборот, давайте са-

ми индеанизируемся немного...». Тем не менее, он считал, что «сближение с индейцем не должно быть чрезмерным до смешной крайности»³⁰.

Важная роль в намечавшихся преобразованиях отводилась языку. В Министерстве просвещения был создан Отдел индейского образования и культуры. Министр просвещения Х. Васконселос в 1920-е гг. пытался применить опыт Советского Союза. Целью новой концепции мексиканской сельской школы была «мексиканизация» всех обитателей Мексики. Одним из способов было двуязычное обучение, которое использовалось с перерывами с 1939 г.³¹ Школы стали центром распространения национального языка, национальных символов и ценностей. Школьный учитель пришел на смену местному священнику³².

Внешкольная деятельность в районах обитания аборигенов осуществлялась через культурные миссии, созданные в 1925 г. Она включала улучшение санитарных условий жизни и ведения домашнего хозяйства, развитие сельского хозяйства и сфер культурного досуга, преобразование сельских общин и т. д. Создавались также центры грамотности, независимые от сельских школ, и интернаты. В 1930-е гг. работала Экспериментальная станция по инкорпорации индейца. Ее целью было проведение социально-антропологических исследований для лучшего знакомства с жизнью аборигенов, с проблемами, которые возникали при их ассимиляции в мексиканскую среду, а также «культуризация индейца» и улучшение его условий жизни³³.

Государственная политика относительно аборигенов интенсифицировалась при президенте Л. Карденасе (1934–1940 гг.). В 1936 г. создается Автономный отдел по делам аборигенов (*Departamento Autónomo de Asuntos Indígenas*). В соответствующем документе заявлялось, что интерес, который правительство проявляет к индейцам, не исходит из желания выделить их как отдельную этническую группу, сохраняя таким образом их специфические проблемы, а наоборот, стремится расплавить и ассимилировать их. Первой из его функций определялось изучение социальных по-

требностей и консультации Канцелярии президента страны о мерах по их удовлетворению. Второй – защита общинных интересов аборигенов³⁴. При содействии отдела была развернута сеть специализированных сельскохозяйственных технических школ, в высших и средних специальных учебных заведениях страны для индейцев были предусмотрены стипендии. Прилагались усилия по развитию письменности некоторых народов, издавались алфавиты и словари.

В 1940 г. в на Первом межамериканском индихенистском конгрессе Карденас так выразил цель индихенизма – «Задачей нашей индихенистской политики не является поддерживать аборигенов как аборигенов или индеев, а мексиканизировать Мексику, а мексиканизировать аборигена»³⁵. Очевидно различие в позиции ученого (Гамио) и главы государства. Может быть, именно поэтому практика индихенизма иногда отличалась от теории. Так, на границе с Гватемалой язык аборигенов *мам* считался гватемальским, его наличие рассматривалось как угроза национальному суверенитету и разговаривать на нем было запрещено. В декрете 1934 г. о создании в Чиапасе Департамента социального действия, культуры и защиты аборигенов утверждалось, что самой большой социальной проблемой, тормозящей экономическое развитие штата, было наличие больших масс индейского населения. В департаменте имелся комитет, который следил за одеждой аборигенов. Его работники сжигали на площади традиционные одежды местных жителей. Когда один из стариков отказался подчиниться, полицейский облил его керосином и пригрозил поджечь его самого³⁶.

В 1946 г. Автономный отдел по делам аборигенов был заменен Генеральным управлением по делам аборигенов (*Dirección General de Asuntos Indígenas*) в составе Секретариата общественного образования. Некоторое время его возглавляли антропологи. Управление разработало несколько недолговременных проектов по улучшению жизни аборигенов. Некоторые общины в этот период получили земли и финансовую помощь. По словам Комаса, постепенно работа управления из научной становилась бюрократической и администра-

тивной, особенно после создания в конце 1948 г. Индихенистского национального института³⁷.

Индихенистский национальный институт (ИНИ) был образован как учреждение, подчинявшееся непосредственно Канцелярии президента страны. А. Касо, его основатель и первый директор, считал, что проблемы аборигенов находятся главным образом в сфере культуры, куда он относил отсутствие материальных и духовных связей с внешней средой, отсутствие ясного чувства принадлежности к нации, отсутствие знаний, необходимых для замещения прежних магических практик в предупреждении и лечении болезней. Поэтому он полагал, что для решения проблем индейца его следует приобщать к общепризнанным культурным ценностям. Основные направления индихенистской политики института были сформулированы следующим образом: 1) признание, что аборигенный вопрос – одна из важнейших национальных проблем; 2) решение этой проблемы лежит в русле национальной интеграции; 3) уважение, сохранение и поощрение у нынешних групп аборигенов позитивных аспектов их культуры; 4) улучшение все еще тяжелых условий жизни, в которых находится подавляющее большинство аборигенов; 5) интегральное решение проблемы трансформации их культуры, которое охватило бы как развитие их хозяйства, так и заботу об их здоровье³⁸.

ИНИ участвовал в ряде прикладных проектов по программам развития отдельных индейских общин или районов. Целью таких проектов было познание социальной действительности, чтобы при осуществлении планируемых мероприятий избегать напряженности, конфликтов и противодействия в той среде, которую предполагалось трансформировать. Поэтому изучались обычаи, привычки, ценности и все то, что формирует и придает смысл образу жизни этого региона³⁹. Рабочие группы таких проектов были смешанными по профессиональному составу, кроме антропологов в них входили и другие специалисты. Так, в проекте Папалопан антрополог А. Вилья Рохас возглавил группу из восьми исследователей. Ее главной целью было изучение

образа жизни почти полумиллиона аборигенов, говоривших на разных языках и диалектах, с тем чтобы сформулировать меры, которые сделали бы менее резким и конфликтивным, по выражению А. Вильи Рохаса, «переход от традиционной культуры к культуре, основанной на технике и промышленности». Со временем антропологи отошли от этого проекта, главным образом, из-за противоречий с другими специалистами⁴⁰. Были и другие программы, из которых антропологи вытеснялись чиновниками. Это, скорее всего, свидетельствует о том, что для руководства такими прикладными проектами было мало одних антропологических знаний.

Более поздние мексиканские антропологи так оценивали прикладной аспект своей дисциплины – антрополог действует как брокер или переводчик от имени государственных агентств, занимающихся модернизацией, с целью достичь в местной общине определенных результатов за короткое время. Не всегда удовлетворительные результаты объяснялись тем, что либо советы антропологов игнорировались руководителями проекта или агентствами, либо не хватало координации между членами команды⁴¹.

Для реализации обширных индихенистских планов нужны были специальные кадры, как в администрации, так и в проведении исследовательских и прикладных работ. Основанная в Мексике в 1911 г. с помощью иностранных специалистов Международная школа американской археологии и этнологии не могла помочь в этом, т. к. имела археологическую направленность, да и просуществовала недолго⁴². В 1938 г в Школе биологических наук Национального политехнического института был образован Отдел антропологии. В 1939 г. был создан Национальный институт антропологии и истории (Instituto Nacional de Antropología e Historia, сокращенно – INAH). В соответствующем законе его основной целью были обозначены исследования по антропологии и истории, связанные с населением страны, а также с сохранением и реставрацией культурного, археологического и исторического наследия страны. Среди ее функций были назва-

ны, прежде всего, проведение исследований по археологии и истории Мексики, по антропологии и этнографии населения страны; при этом речь шла как о теоретических исследованиях, так и о прикладных работах; один из пунктов предполагал преподавание. В 1942 г. в INAH был переведен упомянутый выше Отдел антропологии политехнического института, получив название Национальной школы антропологии, которая с 1946 г. превратилась в Национальную школу антропологии и истории. В 1951 г. в ней появилось Отделение прикладной антропологии. Там преподавали введение в социальную и прикладную антропологию, методы исследования и планирования сельских общин, вели курсы по социальной структуре, культуре и личности, экономическим и образовательным проблемам сельских общин, санитарным проблемам, технике статистики и оценки, интеграции общественных наук и др.⁴³ Создание школы рассматривалось как прямое следствие философии индихенизма.

По мнению Леона-Портильи, два (помимо других) следствия вытекали из философии индихенизма: необходимость иметь соответственно подготовленный персонал и проводить комплексные исследования с целью уточнить формы и методы, которые позволили бы начать новые процессы направленной аккумуляции. Как и полвека назад, для этого считалось необходимым, помимо большого числа техников и специалистов в разных отраслях с соответствующей подготовкой, наличие социального антрополога – как для изучения общины, так и для начала процессов изменения. Были установлены три уровня подготовки персонала: а) профессиональный персонал, специализированный в социальной антропологии и методах развития общины, б) профессиональный персонал в разных отраслях, необходимых для развития земледелия, санитарии, двуязычного образования, экономики и др., со знанием прикладной антропологии, в) непрофессиональный персонал⁴⁴.

Другие страны

VII (Монтевидео, 1933) и VIII (Лима, 1938) Международные американские конференции рекомендовали подготовить Конгресс для изучения проблем коренного населения континента. I Межамериканский индихенистский конгресс состоялся в мексиканском городе Пацкуаро в апреле 1940 г. Среди его многочисленных рекомендаций было решено создать Межамериканский индихенистский институт (Instituto Indigenista Interamericano). Его первым директором стал Гадио (1942–1960)⁴⁵. Конгресс рекомендовал также правительствам латиноамериканских стран создавать у себя учреждения, которые занимались бы изучением индейских проблем с целью выработки практических рекомендаций для властей. В разные годы они были созданы в ряде стран.

Историки науки важным рубежом в развитии антропологии в Латинской Америке считают создание в Мексике Национального института антропологии и истории и Национальной школы антропологии и истории. Приблизительно за четверть века в школе обучилось около 1 тыс. студентов из 14 стран – более всего из Мексики, но также из Центральной, Южной и даже Северной Америки. Преподавание антропологии включало четыре ветви: физическую антропологию, археологию, этнологию и лингвистику⁴⁶.

Практическая направленность антропологии получила новый импульс в странах Латинской Америки после Второй мировой войны, когда экономическая помощь развивающимся странам со стороны США сопровождалась намерением последних сделать ее более эффективной, в том числе и для своих инвесторов⁴⁷, для чего изучались те регионы и общины и те сферы, куда эта помощь вливалась.

В 1951 г. в Мексике, при поддержке нескольких международных агентств, в Пацкуаро был открыт Региональный центр базового образования. Его целью было подготовить персонал, который в своих странах мог бы работать в проектах по улучшению условий жизни аборигенов и по их интеграции. В 1960 г. в горах Пуэблы в Мексике был создан «Пилотный центр обучения техникам развития об-

щины», где специалисты из стран Латинской Америки должны были повышать приобретать навыки в таких сферах как гигиена и санитария, базовое и сельское образование, экономика, эксплуатация природных ресурсов и др. В 1959 г. в Национальной школе антропологии Мексики с участием Организации Американских государств стала осуществляться «Межамериканская программа прикладных социальных наук», целью которой было подготовить специалистов и администраторов, которые могли бы заниматься проблемами, возникающими «как следствие попыток развивать экономику той или иной страны». В течение двух лет учащиеся получали подготовку на основе лекций и семинаров, а также полевой работы в продолжение не менее девяти месяцев. Читались курсы лекций по социальной антропологии, включая социальную организацию, методы и техники социокультурных исследований, социальную психологию и личность, социально-культурные изменения, по прикладной антропологии, велось обучение методам полевой работы и др. К середине 1960-х гг. этой программой воспользовалось более 60 учащихся⁴⁸. Сходные проекты осуществлялись в Боливии и Гватемале⁴⁹.

В 1962 г. в Межамериканском индихенистском институте был создан Отдел антропологических исследований. В его задачи входило консультирование государственных и частных агентств, проведение курсов и лекций в странах Латинской Америки, выпуск пособий для различных индихенистских организаций и центров подготовки, а также изучение и анализ методов и техники, применяемых в проектах интегрального развития аборигенных общин. К началу 1970-х гг. в институте прошло обучение около 200 стипендиатов из разных стран⁵⁰.

Большее внимание ученых к социальным проблемам в Латинской Америке после Второй мировой войны можно видеть по замещению слова «этнология» словом «антропология» в названиях некоторых учреждений. Так, Национальный этнологический институт в **Колумбии** был преобразован в Колумбийский институт антропологии. В институте появился новый Отдел социальной антропологии, кото-

рый занимался изучением «примитивных культур страны». Росло число университетов, где стали преподавать социальную антропологию. В этой тенденции, видимо, можно усматривать вытеснение влияний европейской этнографии/этнологии влияниями из США, опосредованными мексиканским опытом. К середине 1960-х гг. профессию социального антрополога можно было получить во многих университетах США и Латинской Америки⁵¹. Тем не менее, Камара Барбачано считал, что в целом в Латинской Америке, помимо Мексики, было очень мало профессиональных антропологов (культурных и социальных), хотя наличествовало острое желание использовать антропологию в практических целях. Он утверждал даже, что эмоции и дилетантизм преобладали над разумом и научной объективностью. Так, по его оценке, деятельность Национального индихенистского института **Гватемалы** была беспорядочной, а Национальный институт антропологии и истории находился в заброшенном состоянии; в том и другом центрах недоставало специалистов. Сходная картина ему виделась и в Сальвадоре. Несколько больше было специалистов в Колумбии⁵².

В **Перу** с начала XX в. индихенизм носил, скорее, литературный характер. Интеллигенты много размышляли о национальном самосознании и проблемах структуры нации. В их среде имели хождение идеи мексиканской и российской (большевистской) революций. Индихенистские течения 1910–1920-х гг. представляли Перу государством, сформированным двумя нациями, находящимися в непримиримом конфликте. Одну являл город Куско, который представлялся бастионом «материнской» культуры, другую – столица Лима, рассматривавшаяся как символ вторгшейся культуры⁵³.

В 1920 г. в Перу была принята одна из первых конституций в Латинской Америке, которая признавала наличие в стране общин аборигенов и их коллективные права на землю. Статья 58 раздела IV провозглашала, что государство будет защищать аборигенную расу (*raza aborigen*) и издаст специальные законы для их развития⁵⁴. Однако на бытовом уровне

еще в середине XX в. культура индейцев презиравалась и была предметом насмешек со стороны метисов. Индеец считался ленивым, воровым, грубым, лживым. Современная культура индейца являлась предметом шутки или насмешки. В то же время метисы гордились индейским прошлым страны⁵⁵.

В 1950–1960-е гг. в Перу осуществлялось несколько проектов прикладной антропологии, главным образом учеными из США; наиболее известными стали «Программа Пуно-Тамбопата» и «Проект Перу-Корнель». В конце 1959 г. был разработан Национальный план по интеграции коренного населения (PNIPA). Это был единственный в стране прикладной проект, где финансирование и персонал были перуанскими. Реализовывался он силами двух университетов с минимальной государственной поддержкой. В 1966 г. этот план был заменен проектом интеграции и развития коренного населения. При этом социальные антропологи были отодвинуты на вторые роли⁵⁶.

В отличие от Мексики и Гватемалы, где *индейцы* противопоставляются населению признаваемого смешанного происхождения (*мексиканцам, гватемальцам* или, чаще, *ладино*), в Перу и Боливии с колониального времени сохранилось трехчленное деление населения: *индейцы, метисы* или *чоло* и *белые* или *креолы*.

В XX в., видимо, наиболее значительным событием в жизни индейцев **Боливии** стала революция 1952 г., в которой они приняли активное участие, как горняки, так и крестьяне. К этому времени большинство сельских индейцев батрачили в больших поместьях или проживали в индейских общинах, потерявших землю. Многие из индейцев Боливии познакомились с новыми идеями, работая на рудниках, где было развито профсоюзное движение, через службу в армии во время войны с Парагваем в 1930-е гг., а также через контакты с миссионерскими школами и др. В период революции крестьяне и батраки занимали поместья и распределяли землю между собой; в общее пользование переходили пастбища. Законы 1953 г., провозгласившие экспроприацию плохо управляемых имений и частичную экспроприацию других крупных земельных

владений для перераспределения между крестьянами, во многом легализовали уже имевшуюся ситуацию. На протяжении 1950-х гг. большие поместья, которые включали более половины сельскохозяйственных земель страны, располагавшиеся по большей части на андских плоскогорьях и в долинах, были заняты их прежними арендаторами и соседними общинами. Больше половины сельской бедноты получили землю. Как отмечали специалисты по аграрным реформам, особенностью реформы в Боливии было то, что государство не поддерживало крестьянское производство, а довольствовалось импортом из США и Европы. Основные капиталовложения в земледелие с начала 1950-х гг. были направлены крупным агропромышленным производителям Амазонского региона, мало затронутого реформой.

Наиболее важным достижением земельной реформы в Боливии считается то, что коренные обитатели, составляющие большинство населения страны, впервые были законно признаны гражданами с правом на голосование, на начальное образование и на общинную или индивидуальную землю⁵⁷. В то же время власти, в намерении сплотить нацию, пытались упразднить, по крайней мере в официальной сфере, употребление слова *индеец*, заменив его словом *крестьянин*.

В прикладных исследованиях в Боливии в 1960-е гг. были заняты несколько международных организаций, большую часть персонала которых составляли иностранцы⁵⁸.

В **Эквадоре** в 1960-е гг. было несколько учреждений, которые проявляли интерес к коренным обитателям с целью практической работы (Instituto Campesino, Instituto de Colonización, Misión Andina), но в целом наблюдался упадок этнографических работ⁵⁹.

В **Колумбии** научный индихенизм начался лишь в 1938 г., когда был образован Национальный этнологический институт. Был также организован Отдел по делам аборигенов (Departamento de Asuntos Indígenas), деятельность которого была сосредоточена на защите сохранившихся общинных земель аборигенов (*resguardo*)⁶⁰. В середине XX в., с приходом к власти Лауреано Гомеса основой нации были

провозглашены *католичество* и *испанизм*, соответственно негры, индейцы и метисы рассматривались как виновники отсталости страны и должны были быть устранены (вместе с либералами). В 1953 г. создается Отделение по вопросам аборигенов (División de Asuntos Indígenas) при Министерстве управления, но в том же году было подписано Соглашение о миссиях, по которому индейцами должны были заниматься миссионеры. Через некоторое время, в 1962 г., для ослабления влияния католических миссий были приглашены протестанты из Летнего лингвистического института, база которого находится в США. В законе об аграрной реформе 1961 г. были представлены некоторые нормы в защиту *ресгардо*. Большая часть антропологов старшего поколения занимала в то время пассивную позицию в политической жизни. Случаи убийства аборигенов в 1967 и 1970 гг. побудили их образовать Антропологическое общество Колумбии с целью обличать подобные акты перед общественностью страны и мира. Возникла «антропология протеста»⁶¹.

К началу 1970-х гг. в Колумбии выделяли три направления индихенизма. «Консервативное» было представлено миссионерами, которые ратовали за четкое определение границ резерваций и усиление законодательства, направленного против эксплуатации аборигенов. Второе направление, названное «прогрессивным», объединяло преимущественно антропологов из исследовательских центров. Они признавали, что давление колонистов на индейские группы приводит к их быстрой аккультурации, и были за планирование этого, по их убеждению, необратимого процесса изменений. Третий подход – «радикальный», его представляли, в основном, молодые преподаватели университетов. Они считали, что традиционные системы защиты аборигенов показали свою неэффективность и предлагали отмену индихенистского законодательства, которое они считали патерналистским, рассматривавшим аборигена как гражданина второго сорта. Они были за немедленную интеграцию аборигенов в колумбийское общество, несмотря на травмы, вызываемые этим процессом⁶². Общий вывод относительно аборигенов

страны и индихенизма был полон пессимизма: «Колумбийскому индихенизму остается в настоящее время ответственнейшая задача – произнести индейцу смертный приговор – через удушение или превращение его в крестьянское население»⁶³.

Бразилия, в отличие от Мексики, Гватемалы и стран Центральных Анд, не имеет значительного количества аборигенов. Здесь проблема в том, что малочисленное в процентном и абсолютном измерении аборигенное население располагалось на территориях, которые с течением времени приобретали важность для страны, то ли в силу их пограничного расположения, то ли потому, что там обнаруживались, помимо известных растительных, богатые минеральные ресурсы. До конца 1980-х гг. одним из постоянных аспектов индихенистской политики на протяжении истории Бразилии было намерение ассимилировать аборигенные народы в региональные сегменты национального общества⁶⁴.

В Бразилии в 1910 г., впервые Латинской Америке, было создано учреждение, которое должно было заниматься проблемами аборигенов – Служба защиты индейцев (SPI). В 1916 г. среди аборигенов страны стали работать Салесианские миссии. Тем не менее, за первую половину XX в. «вымерли или перестали существовать как отдельные этнические общности 87 племен»⁶⁵. В 1960-е гг. рекомендации бразильских антропологов для осуществления политики по отношению к аборигенам включали гарантии землевладения, организацию племенного хозяйства, юридическое оформление их статуса, предоставление медицинской помощи и образования, замирение воинственных племен, образование музея и некоторые другие⁶⁶.

В 1963 г. на VI Бразильском совещании антропологи провозгласили свою «неотвратимую ответственность» при решении проблем биологического и культурного выживания аборигенов. Они заявили, что эффективная индихенистская политика должна базироваться на сохранении племенных территорий как коллективных и неотчуждаемых, что интеграция пограничных регионов сопровождается

разграблением флоры и фауны, наносящим ущерб аборигенам и что экспансия национального общества в аборигенные районы способствует формированию крупных землевладений с архаичной аграрной структурой. Они предложили свою помощь для формулирования мер по сохранению, созданию, актуализации и защите племенных земель⁶⁷.

В 1960-е гг. чиновники из службы защиты индейцев оказались замешанными в ряде неблагоприятных дел. В 1968 г. несколько десятков их были арестованы по обвинению в грабежах, насилии, захвате земель, пытках и убийстве индейцев. Была создана новая служба, которой следовало заниматься проблемами аборигенов – Национальный индейский фонд (FUNAI). О его позиции можно судить по заявлению одного из его руководителей (генерала), заявившего: «Нельзя допустить, чтобы индейцы стали препятствием на пути прогресса страны»⁶⁸. Из этой политики исходило представление о том, что не индейца надо защищать, а от него – дорожных рабочих, фермеров и поселенцев⁶⁹.

Как писал бразильский исследователь, в усилиях интегрировать Амазонию любой ценой силы эндоколонизма (очевидно сходство с концепцией внутреннего колониализма мексиканских исследователей) смыкались с внешними интересами. В Амазонии происходит не только последняя битва между «цивилизованными» и «не цивилизованными» людьми, но также и конфликт между богатыми развитыми странами и странами, которые вынуждены развиваться. Труба судного дня уже может быть слышна для амазонских индейцев⁷⁰.

В Бразилии выделяют несколько фаз в политике по отношению к аборигенам своей страны. Первая – покровительства, в период Службы защиты индейцев. Она осуществлялась в соответствии с идеологией интеграции индейца в национальное общество, выраженной в законе 6001/73, согласно которому провозглашалась «постепенная и мирная» интеграция. Но, как оказалось, покровительство было в пользу покровителя, и за первую половину XX в. были уничтожены несколько де-

сятков индейских этносов. Вторая фаза – покровительство при военном режиме, которая началась заменой SPI на FUNAI в 1967 г. и кончилась провозглашением Федеральной конституции в 1988. Ряд программ, принятых во имя «развития» и «национальной безопасности», затронул аборигенные общины, которые рассматривались как препятствие для занятия региона и, если было необходимо, целиком передвигались. Кроме того, с ростом внешнего долга расширялась эксплуатация природных богатств Амазонии, что также затрагивало группы аборигенов. Иногда индейцев рассматривали как угрозу национальному суверенитету – по тем причинам, что среди них работали иностранные исследователи и миссионеры, что сами они были против эксплуатации и захвата их территории, и даже потому, что имели свою культуру. Высказывались опасения, что они могли потребовать самоопределения и, затем – образования независимых государств. Третья фаза начинается принятием конституции в 1988 г., но ее истоки бразильские аналитики видят в появлении движения за редемократизацию страны, в рамках которого в начале 1980-х гг. возникают первые организации аборигенов⁷¹.

В Венесуэле Школа социологии и антропологии входила в состав Факультета экономических наук Центрального университета Каракаса. Какие вопросы интересовали соответствующих исследователей, видно по названиям докладов I Конгресса антропологии и социологии, состоявшегося в 1969 г.: социолог и антрополог в общественном здравоохранении и социальном обеспечении, социолог и антрополог в просвещении, социолог и антрополог в планировании и развитии, социолог и антрополог в изучении магико-религиозного поведения⁷².

В Аргентине общее отношение к аборигенам выразил в 1935 г. один романист и педагог, написав в учебном пособии, что стране не нужны индейцы. По его убеждению, сентиментальные доводы в их защиту противоречили национальной пользе. Каждое племя – очаг распространения метисов, в то время как стране нужно большее количество белой крови⁷³. Еще в конце 1950-х гг. один из самых за-

служенных исследователей Аргентины жаловался на невнимание имущих и властей к антропологии⁷⁴. Наметившиеся со второй половины 1950-х гг. рост антропологических центров, рост кадров и обращение к социальным проблемам (в том числе аборигенов) были заторможены военным переворотом 1966 г.⁷⁵

Чилийское законодательство относительно аборигенов, как и в других странах, было направлено на подчинение аборигенов, занятие их земель, расщепление общин, устранение аборигенов как отличительной этнической группы. Только в 1953 г. в стране был создан Офис по индейским вопросам. И к середине 1970-х гг. чилийский этнолог Кантони, на основании собственных наблюдений и работ других авторов, пришел к выводу, что интеграция наиболее крупной группы аборигенов – *мапуче* в чилийское общество не завершена. Однако региональное развитие, экономическая интеграция и другие факторы устраняют, по его мнению, географическую и социальную изолированность *мапуче*, следствием чего является расширение их культурной ассимиляции. Наблюдались различия этого процесса в среде сельских и городских *мапуче*. В деревне ухудшение экономического положения мелких фермеров дезорганизовывало жизнь общины и ослабляло групповую сплоченность. У городских индейцев, несмотря на улучшение социального положения, осознание дискриминации способствовало сохранению защитного этнического сознания⁷⁶.

Критика индихенизма

Дальнейшее развитие капиталистических отношений в странах Латинской Америки усугубляло социальные противоречия – многие слои мелкой и средней буржуазии оказывались на грани разорения, проходило расслоение крестьянства и дальнейшее лишение его земель. Наиболее уязвимыми в этом процессе оказались коренные обитатели; некоторым малочисленным группам развитие страны, на территории которой они обитали, грозило уничтожением⁷⁷.

В стремлении к ускоренному экономическому развитию, свойственному многим странам Латинской Америки, ставка делалась и делается на развитие регионов, прежде не привлекавших к себе внимания, где, как правило, находились многие индейские группы. В этих условиях борьба латиноамериканских обществ за национальный суверенитет, за политические свободы, за повышение экономического и культурного уровней жизни широких слоев населения отражалась в гражданском сознании исследователей, заставляя их пересматривать цели своей науки. Представители общественных наук приходили к выводу, что силами только науки, какие бы благие цели она ни ставила перед собой, нельзя решить многие социальные проблемы. С другой стороны, некоторые примеры недавней истории (революции в Боливии и на Кубе) показали, что для разрешения ряда острых социальных проблем государство может обойтись без непосредственного участия ученых-обществоведов. Таким образом, сомнение вызывало предположаемое основное достоинство латиноамериканской антропологии – ее направленность на практический результат. Возникло сомнение не только в отдельных целях или методах общественных наук, но и в их функциональности в целом.

Наметившийся кризис антропологии в Латинской Америке не был изолирован от состояния науки в других странах мира, ибо он обнаружился и в антропологии (этнографии) ряда европейских стран. Его справедливо связывали с общим кризисом колониальной системы. Вместе с отрицанием колониальной системы отрицалась и наука, ей служившая, антропология колониальных народов. Во-первых, ее отрицали бывшие колониальные народы в лице своей интеллигенции. С другой стороны, ученые колониальных держав убедились, что знание народа, каким бы полным оно ни было, не гарантирует удержание этого народа в подчинении.

Первая статья о кризисе современной антропологии вышла из-под пера Кл. Леви-Стросса в 1961 г. Уже в следующем году она была переведена в Бразилии⁷⁸. Но в Латинской Аме-

рике популяризацию идеи о кризисе науки связывают не столько с именем французского этнолога, сколько с именем социолога А.Г. Франка, работавшего в 1960-е гг. в Национальном автономном университете Мексики. Его комментарий, опубликованный в журнале «Current Anthropology» в 1968 г., получил широкий отклик среди латиноамериканских исследователей. Франк, в частности, обвинил антропологов в том, что они придумали категорию *folk*, чтобы скрыть голую правду экономической эксплуатации и культурного отчуждения⁷⁹.

Латиноамериканские исследователи связывали начало критического периода в развитии общественных наук на своем континенте со студенческими волнениями 1968 г., распространившимися из Франции по другим странам Западной Европы и Америки. По словам Г. Агирре Бельтрана, наиболее критикуемого молодыми антропологами того времени, в Мексике это движение потрясло всех ученых обществоведов, но особенно антропологов, занятых по преимуществу в программах развития. Как он писал, критики традиционной антропологии оспаривали саму основу существования науки о человеке. Ее сравнивали с внебрачной дочерью колониализма, а исследователей на государственной службе объявляли активными агентами по управлению коренными обитателями и агентами империалистического проникновения. Обвинялись не только антропологи, работавшие в таких, направленных против революционных движений программах, как «Камелот», или во Вьетнаме, но антропологи вообще как члены общества, которое с помощью имперских фондов накапливает сведения о тысячах и тысячах «примитивных» народов с целями, объективность и этичность которых серьезно оспаривается⁸⁰.

В рамках общего критического отношения к антропологии критике стал подвергаться индихенизм. Латиноамериканские антропологи не без основания связывали появление критики индихенизма с влиянием идей кубинской революции на политические процессы в Латинской Америке и на латиноамериканскую политическую мысль, с внутренним кризисом

государственного аппарата и некоторыми другими явлениями⁸¹. Критики официального индихенизма утверждали, что исследования аборигенов проводились, главным образом, для того, чтобы установить диагноз, который позволил бы найти лучшие пути для введения в индейские общины практик, соответствующих национальной, а точнее – современной западной культуре. Они сравнивали это намерение с тем, что делал испанский историк колониального периода Саагун – «знать, чтобы лучше разрушить»⁸².

Критиковалась методика исследований, прежде всего изучение отдельных сельских общин, проводимое в 1960-е гг. с целью оценить эффект аграрной реформы и сориентировать проекты развития культуры. Отмечалась разнородность таких работ в том, что касалось теории, методологии и научного уровня, и то, что работы были описательными и схематичными, а социальная действительность представляла в них раздробленной⁸³. Критиковались и некоторые практические меры индихенизма, в частности создание интернатов, где, как утверждалось, молодым людям из общин промывали мозги для того, чтобы они признали более низкий уровень своей культуры и превосходство национальной культуры, что уменьшило бы сопротивляемость общин прогрессу⁸⁴.

В 1970-е гг. в среде латиноамериканских антропологов прочно укрепилось убеждение в том, что этнические и культурные отношения не должны скрывать от исследователей отношений классовых⁸⁵. Марксисты считали, что решение индейского вопроса лежит не в решении специфических этнических проблем, а в решении глобальной социальной проблемы⁸⁶. Некоторые мексиканские антропологи ратовали за создание латиноамериканской школы применения марксистских теории и метода в антропологии и за превращение антропологического исследования в орудие трудящихся классов⁸⁷. Как было сказано в более общей форме, значительная группа антропологов стала считать, что более неотложным, чем создание национальности или участие в усилиях по развитию, является смена экономических структур общества⁸⁸. Размышления

мексиканских антропологов о своей науке и индихенизме 1970-х гг. были подведены в двухтомнике с названием «Политический разлом социальной антропологии в Мексике»⁸⁹.

Венесуэльские исследователи критиковали индихенистскую политику в Латинской Америке за то, что она рассматривала экономику аборигенов преимущественно как системы, обреченные на исчезновение, если их не изолировать целиком⁹⁰. Они считали, что в самой Венесуэле в результате официальной индихенистской деятельности многие индейцы утратили свою племенную структуру, влившись в самые нижние слои классовой системы страны. Акт об аграрной реформе 1950 г., по их мнению, растворил аборигенов в венесуэльском крестьянстве, что привело к перемещению земель аборигенов в руки венесуэльских креолов⁹¹.

Официальный индихенизм подвергался критике и этнографами других латиноамериканских стран. С 1970-х гг. латиноамериканские и другие этнографы все чаще объединяли свои усилия в защиту прав аборигенов. Первая встреча подобного рода прошла на о. Барбадос, где была принята декларация в защиту коренных обитателей Америки. Затем они повторялись (Por la liberación 1975). В декабре 1981 г. под эгидой ЮНЕСКО в г. Сан-Хосе, столице Коста-Рики, было созвано совещание на тему «Этническое развитие и этноцид в Латинской Америке». В нем приняли участие главным образом латиноамериканские исследователи, служащие международных организаций и руководители аборигенных организаций; было и несколько иностранцев. Под этноцидом в этом документе понималось «отрицание права пользоваться собственными культурой и языком, развивать и передавать их». Такая практика провозглашалась крайней формой массового нарушения прав человека. В одной из резолюций критиковалась деятельность Летнего лингвистического института, члены которого, как утверждалось, наряду с исследованиями, занимались прямым шпионажем⁹².

В критике индихенизма в Латинской Америке сложилось то направление в латиноамериканской антропологии, которое получило

название *antropología comprometida*, понимавшаяся как антропология на службе тех групп, изучением которых она занималась.

Критики официального индихенизма не ограничивались отрицанием предыдущего опыта, а предлагали свое решение проблемы. В Венесуэле молодые университетские преподаватели создали в 1968 г. Венесуэльское общество прикладной антропологии (SOVAAP). Среди его задач были: проведение неотложных исследований, создание национальной индихенистской службы добровольного характера, ознакомление общественности с проблемами аборигенов. Члены SOVAAP критиковали официальную индихенистскую политику, а также деятельность миссионеров; особенно их беспокоило разрушительное влияние на индейскую культуру протестантских миссионеров.

Ставя вопрос о возможностях прикладной антропологии, они признавали, что ни антропология как наука, ни антропологи как ученые, не готовы для решения срочной задачи трансформации изучаемых ими обществ. Но, хотя отсталость стран Латинской Америки являлась препятствием для антропологии, они утверждали, «что сегодня ученый, подготовленный соответствующим образом... способен постулировать модели обществ, лучше интегрированных, чем нынешние». В Латинской Америке, полагали авторы, основная борьба социального антрополога должна быть направлена на преодоление роли, которую он исполнял до сего времени, когда он являлся копией большинства англо-саксонских антропологов, сделавших из этой науки набор инструментов, служащих односторонней и по преимуществу патерналистской политике⁹³.

Венесуэльские исследователи были убеждены, что в их стране были условия для сохранения индейских этносов и их культур, а также для достижения ими прогресса в экономическом, социальном и культурном аспектах. Это предполагалось сделать с участием антропологов при помощи направленного процесса, который получил у них название *интеркультурация*.

В Бразилии антропологи при изучении возможных последствий возведения одного из гидротехнических комплексов, пришли к выводу, что очень важно защищать права индейских общин на владение землями и на пользование природными ресурсами. Бразильская ассоциация антропологов провозгласила в 1982 г., что индейские народы «не должны еще раз платить за развитие общества», и предлагала компенсировать им утерянные земли⁹⁴.

Идеи о том, что коренные обитатели Америки сами должны решать судьбу своего развития, коллективно были заявлены на конгрессе американистов в Штуттгарте (1968 г.). Там же подверглись критике любые попытки модернизации по западным образцам. На таком же конгрессе в Лиме (1970 г.) было сказано, что наука должна быть полезной с точки зрения объективных потребностей народов и способствовать глубокой трансформации существующих структур. Были осуждены североамериканская агрессия в Юго-Восточной Азии и те ученые, которые своими исследованиями служили целям империализма⁹⁵.

В упомянутой выше Декларации Сан-Хосе об этноциде и этноразвитии предлагалось практике этноцида противопоставить практику «настоящего этнического развития», а именно, «установление и применение политики, направленной на гарантию этническим группам свободно пользоваться своей собственной культурой». В одной из рекомендаций (о земле) ЮНЕСКО предлагалось поддержать коренных обитателей в их борьбе за владение землями и за право распоряжаться природными ресурсами на своих землях⁹⁶.

Первым условием этнического развития, самым существенным, по мнению Г. Бонфила Батальи, являлось признание различных этнических групп в качестве политических единиц в лоне тех национальных государств, где в то время они никак не выделялись. А это было большинство стран Латинской Америки⁹⁷. Другой участник встречи в Сан-Хосе, перуанец С. Варесе, минимальными условиями выживания индейских этносов в рамках национального государства считал территорию, юридический статус, политическую автономию и права на

собственные культуру и язык. Хотя в капиталистическом обществе, по его мнению, даже наличие этих условий не спасет аборигенные этносы от постепенного растворения, он надеялся, что опыт некоторых индейских групп (в частности, *шуаров* Эквадора) давал альтернативные модели отношений⁹⁸.

Ф. Баэс Хорхе будущие задачи антропологии видел так: с одной стороны, подвергать постоянной критике те действия государства в отношении аборигенных народов, нарушающие их этнокультурное развитие и вредящие ему, а также поддерживать те меры, которые несут аборигенам очевидные блага; с другой – активно участвовать в обучении коренных обитателей, в их политической мобилизации и организации⁹⁹.

В ответ на критику выразители идей официального индихенизма предпринимали попытки защиты. Г. Агирре Бельтран заявлял (демагогически, по мнению его оппонентов), что суть индихенистской политики заключается в необходимости ускорить процесс перехода индейцев от условий касты, в которых они находятся, к условиям классов. При этом группы аборигенов, вовлеченные в промышленно производство, не теряли язык и многие черты их культуры. Агирре Бельтран ссылался на сапOTEKOB, работавших на предприятиях нефтяной, химической и цементной промышленности. Признавая, что переход аборигенов в класс пролетариев означал замену одного вида зависимости на другой, а также переход к более уточненной системе эксплуатации, Агирре Бельтран, тем не менее, полагал, что, как он писал, он помещает индейцев в революционный класс. Он ясно представлял себе альтернативу этому пути, вопрошая своих оппонентов, хотят ли они невозможного романтического возврата к туиковому прошлому или риска следовать путем, намеченным эволюцией человечества¹⁰⁰. Он упрекал своих оппонентов в том, что они ратуют за множество мелких наций, каждая с особой экономикой, культурой, языком и особым этническим самосознанием, образующих федерацию многонационального государства. По его мнению, это невозможно, т. к. окружающее аборигенов общество, значительно более продвинутое в

экономике и культуре, обязательно проникнет в «корпускулярные» государства и разрушит их¹⁰¹.

Активизация ученых в направлении того, чтобы поставить свою науку на службу изучаемым народам (в Латинской Америке, по преимуществу, аборигенам), подталкивалась ростом политической активности самих коренных обитателей. Обычно их требования носят экономический, социальный и культурный характер: возвращения земель или подтверждения права на их владение, получение кредитов, право доступа в официальные индихенистские учреждения, улучшение социально-экономических, юридических и пр. условий, возможность изучать свою историю и культуру, право пользоваться или возродить свой язык и др. Важную роль в организационной активизации аборигенов играли международные учреждения, такие как ООН, МОТ, ОАГ, Трибунал Рассела и другие, которые, начиная с середины прошлого века, все настойчивее обращались к проблеме прав меньшинств и коренных народов в современном мире¹⁰².

Движения аборигенов различались по странам, в зависимости от традиций и массы коренного населения. Пожалуй, наиболее активным оно было в Боливии. Важную роль играла победа революции 1952 г., которая провозгласила право всеобщего голосования. Тогда же появились профсоюзы проиндейской ориентации. С конца 1960-х в Ла-Пасе формируется движение «15 ноября», в память о казни индейского вождя Тупак Катари (Tupaj Katari) в конце XVIII в. Военный переворот У. Банцера вылился в преследовании профсоюзных организаций в целом и особенно аборигенов, вынудив их уйти в подполье. В 1973 г., во время диктатуры Банцера, был составлен т. н. Манифест Тиауанако, выразивший политические и экономические идеи организации государства на основе индейских традиций. В 1980-е гг. в Боливии уже имелось несколько индейских партий. Важное место в их требованиях занимали проблемы территорий. Идеология большей их части базируется на индейских традициях, но есть и такие, которые восприняли западные идеологии¹⁰³. Именно благода-

ря усилиям индейских партий в конце 2005 г. резидентом Боливии впервые за всю историю стал индеец.

В Эквадоре в 1982 г. создана Эквадорская аборигенная национальная организация (La Organización Nacional Indígena Ecuatoriana) – на основе Федерации шуаров (хиваро) (Federación Shuar), организованной в 1961 г., и Организации аборигенов гор (ECUARUNARI), образовавшейся в 1972 г. В 1990-е гг. организации эквадорских аборигенов принимали участие в ряде избирательных компаний, не только локальных, но и национальных. В 1996 г. Было создано Движение многонационального единства Пачакутик (Movimiento Unidad Plurinacional Pachakutik), куда вошли как организации аборигенов, так и некоторые другие, в том числе небольшие группы левого толка. В свою очередь Пачакутик вступил в союз Движение граждан за новую страну (NP). Именно через этот союз аборигены участвуют в выборах членов законодательного собрания и президента¹⁰⁴.

Движения аборигенов формировались также в Бразилии¹⁰⁵, Аргентине и в других странах.

Надо сказать, что в некоторых государствах борьба индейцев за свои права принимала вооруженный характер и иногда приносила успех. Так, восстание *куна* в Панаме в 1925 г. привело к тому, что они в 1938 г. получили право на самостоятельное управление своими землями в округе Сан-Блас. Уже в наше время были созданы и другие индейские округа, а первый с 1998 г. стал называться индейским словом Ку-на-Иала (Ku-na-Yala).

В Мексике вооруженное выступление аборигенов штата Чиapas, под названием Сапатистская армия национального освобождения (Ejército Zapatista de Liberación Nacional), начавшееся в 1994 г., вынудило правительство пойти с ними на переговоры и подписать в 1996 г. соглашение (Acuerdos de la Mesa de Derechos y Cultura Indígena) по которому стороны должны были совместно разработать новый национальный договор, который затем нашел бы отражение в конституции страны¹⁰⁶.

Пример другого рода – последствия вооруженного движения «Светлый путь» (Sendero

Luminoso) в горных областях центра и юга Перу. Ожесточенная борьба между повстанцами и правительственными войсками в 1980–1990 гг., от которой страдало местное крестьянство, привела к полной дезорганизации общественной жизни в этих областях¹⁰⁷.

Движения аборигенов разных стран Латинской Америки делали попытки объединения на региональных и даже континентальном уровнях. Первый индейский конгресс Южной Америки имел место в Куско (Перу) в 1980 г. Второй состоялся в Тиауанако (Боливия) в 1983 г. В его документах концепция *индейства* (indianidad) противопоставлялась *индихенизму* как правительственной политике. Открытие Америки провозглашалось самым несчастным днем в истории континента. Съезд отвергал как правые, так и левые политические течения, считая, что коренные обитатели Америки имеют собственную идеологию и философию и собственную политическую стратегию освобождения¹⁰⁸. Последняя мне известная коллективная встреча аборигенных народов Латинской Америки состоялась в Панаме в январе 2005 г. Участниками она рассматривалась как свидетельство единства и сопротивления неолиберальной и глобализующей политике капитализма, посредством которой аборигенов пытаются лишить ресурсов, завещанных им предками. Было намечено несколько направлений работы, которые должны усилить аборигенные автономии – в политическом, экономическом, культурном и юридическом аспектах (Declaración Panamá).

Новые политики по отношению к аборигенам

К середине 1970-х стало ясно, что основная цель индихенизма – нивелировать аборигенное население до однообразной массы, неотличимой от остального населения, не удалась. Это осознали не только ученые, но и политики. Организация американских государств на своей ассамблее в 1979 г. заявила, что «аборигенные группы остались вне благ национального развития и богатства, несмотря на то, что

участвуют в его создании», и признала кризис индихенизма как политики¹⁰⁹.

В декабре 1979 г ОАГ совместно с Межамериканским индихенистским институтом провели Техническую встречу антропологов Латинской Америки и Карибских стран. Главная проблема была определена следующим образом: «В какой форме подобает действовать антропологам и археологам и какие мероприятия следует развернуть, чтобы способствовать процессам достижения настоящего участия и самостоятельных действий со стороны крестьянских и аборигенных групп, и в каких формах можно оживить процесс культурной самозащиты и самоутверждения индейских групп». В дискуссии обсуждались такие вопросы, как отношения между государством и антропологией, отношения между антропологией и идеологией, взаимосвязь между развитием антропологии и социально-экономическими процессами.

На встрече было принято несколько решений и рекомендаций. Ряд интересных положений был высказан в разделе «Профессиональная практика и этика»: уважать потребности изучаемых народов; учитывать, что действия антропологов могут быть вредными для народа, у которого они работают; поддерживать работу ученых, родившихся в изучаемых регионах; передавать результаты исследований в первую очередь тому народу, которого касаются эти исследования. В разделе о связи между антропологией и обществом было отмечено, что антропология должна ясно определить свою позицию относительно прав общин, что подразумевает и новую практическую деятельность, и более точное объяснение социальных процессов. Речь шла и о необходимости признания многокультурного характера латиноамериканских и карибских обществ. В заключение раздела выражалась надежда на то, что такие исследования не только обогатят «антропологическое производство», как там сказано, но и помогут процессу самоидентификации народов¹¹⁰.

Сходные рекомендации о государственных гарантиях и поддержке решающего участия коренных обитателей во всех политических, социальных, экономических, образовательных

и культурных вопросах, которые их касаются, в т. ч. о двуязычном межкультурном образовании, были высказаны на техническом семинаре политики стратегий по обучению и образованию коренных народов¹¹¹.

Журнал *América Indígena*, орган Межамериканского индихенистского института, в своей редакционной статье отметил, что, если традиционно борьба индейских движений против планов развития объяснялась культурным сопротивлением, то теперь антропологи поняли, что есть некие противоречия, присущие моделям и методам работы, и заподозрили, что именно эти противоречия, а не культура аборигенов, были причиной провала планов. Было признано, что наиболее общей проблемой аборигенных народов остается получение земли. Межамериканский индихенистский институт был намерен поддержать поиски ее решения¹¹².

Новую концепцию индихенизма восприняли и политики. Кандидат в президенты Мексики, страны, где формировался и развивался индихенизм, долго бывший примером для подражания политикам и антропологам других стран Латинской Америки, Мигель де ла Мадрид, во время избирательной кампании даже высказался о необходимости превратить Мексику в настоящую «Федерацию национальностей»¹¹³.

Новое понимание места аборигенов в жизни той или иной страны нашло отражение в ряде латиноамериканских конституций. В Латинской Америке есть страны, конституции которых почти целиком игнорируют проблему аборигенов – Белиз, Суринам, Французская Гвиана, Чили и Уругвай. Есть такие, где она лишь упоминается: Гайана, Гондурас, Коста-Рика и Сальвадор.

В то же время конституции Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Гватемалы, Колумбии, Мексики, Никарагуа, Парагвая, Панамы, Перу и Эквадора, начиная с середины 1980-х гг., тем или иным способом признают наличие этнических меньшинств и защищают их этническое своеобразие¹¹⁴.

Такой подход помогает аборигенам отстаивать свои права, в том числе и на земли, что давно признано как необходимое условие не

только для выживания, но и для сохранения и развития традиционной культуры. Так, в Бразилии после принятия Федеральной конституции 1988 г. только в Амазонии возникло 200 организаций аборигенов с легальным статусом. Индейцы выиграли некоторые дела в судах, в результате которых они получили либо денежные компенсации, либо земли¹¹⁵.

Заключение

Еще раз отмечу, сославшись на мнение латиноамериканского антрополога Ломница, что активное включение аборигенного населения в национальную метисную культуру было и остается официальной политикой латиноамериканских государств¹¹⁶. Какие выводы из реализации этой политики может сделать человек, далекий от этих непростых проблем, что представляло и представляет само наличие коренных обитателей в разных странах Латинской Америки?

Прежде всего, это то, что для большинства коренных обитателей до недавнего времени была свойственна ситуация, резюмированная Г. Бонфилом Батальей: «...Земли, которые они занимают, рассматриваются как территории, открытые для завоевания, а их обитатели – как простое препятствие или потенциальная рабочая сила. Это находит выражение в массовых сгонах земель или убийствах»¹¹⁷. Наиболее опасным было положение так называемых лесных индейцев (т. е. до недавнего времени находившихся вне прямого влияния национального общества), которым грозили сгон с земель, культурный шок на протяжении нескольких поколений, проституция, венерические болезни, забвение своих обычаев и убеждение в том, что своя культура ниже культуры белого человека¹¹⁸.

Такое положение может создаться при планируемом развитии той или иной страны и помимо планов правительств. Так, в Бразилии одной из задач развития страны было освоение окраинных и внутренних районов страны. Прокладка дорог должна была улучшить связь между городами и стимулировать промыш-

ленность и торговлю, а также облегчить доступ к природным ресурсам. На месте сведенных лесов устраивались пастбища. В некоторых районах «развития» уменьшилось количество дождей, пожары и пестициды уничтожали птиц и наземную живность¹¹⁹. Сведение лесов, строительство дорог, рост городских районов вели к уменьшению площадей традиционного обитания аборигенов и вытеснению их в другие места. Кроме того – многие индейцы отказывались от своей культуры, уходя в города. Техногенные факторы отрицательно сказывались и на других слоях населения – в частности, ухудшение экологических условий вело к росту заболеваний. Таким образом, результатом «развития» стала катастрофа «в трех проявлениях – экологическая, здоровья и социальная»¹²⁰.

В некоторых регионах Латинской Америки угрозой для аборигенов становятся неконтролируемые вторжения на их территории всякого рода старателей. В 1980-е гг. спрос на золото вызвал бум его поисков в северной Амазонии, на притоках Риу-Бранку. В августе 1987 г. золотодобытчики убили вождя яномамо, которые закрывали доступ к залежам региона, и началось массовое вторжение. Через два года в этом районе было от 30 до 40 тыс. золотопромышленников. Их деятельность вызвала экологический шок. Эпидемии привели к смерти более 1 тыс. аборигенов (больше, чем одна десятая часть).

Ситуация аборигенов становится особенно трагичной при вооруженных гражданских конфликтах, как это случилось в Мексике, Гватемале, Колумбии или Перу, когда изгонялись или уничтожались жители целых деревень. Даже при относительно спокойной ситуации отношения между «лесными» индейцами и проживающими рядом креолами могут быть напряженными. У последних нередко бытует представление о соседях как о существах, неспособных к принятию «цивилизации». Как правило, эти стереотипы распространены среди жителей, соперничающих с аборигенами в эксплуатации местных природных ресурсов. Иногда полубродячие индейцы нападают на скот своих соседей, что приводит к

трагическим развязкам. Такая ситуация длительное время имела место в разных странах. Ее рецидивы случаются и в наши дни в Бразилии, Парагвае и некоторых других странах.

Как было показано выше, в последние десятилетия растет политическая активность аборигенов. При этом они достигли определенных успехов не только в тех странах, где представляют значительную демографическую массу, но и в странах с относительно небольшим их количеством. Немалую роль в этих процессах играло и играет мировое общественное мнение в лице правозащитных организаций. Определенную роль в балансе отношений между аборигенами и тем, что называют национальным обществом или государством, играют антропологи. Но если в начале развития индихенизма они почти все и почти без оговорок стояли на позиции гомогенизации, что подразумевало исчезновение разнообразия индейских культур, то теперь они отстаивают право аборигенов решать свои судьбы и возможность сохранения их культуры в нынешних условиях. Видимо, только результатом всех этих усилий можно считать, что в конституциях ряда государств появилось признание их полиэтничности, что в принципе противоречит постулатам начального индихенизма.

Очевидно, что проведение активной политики относительно аборигенов, свойственное для ряда стран Латинской Америки, начиная с 1920-х гг., активизировало развитие этнографии (антропологии) в этом регионе. В этой связи можно рассмотреть и роль социальной науки в решении социальных проблем. Опыт индихенизма в конечном итоге показал, что ученый не может быть успешным менеджером в реализации планов переустройства отдельных ячеек общества, хотя и разработанных с его участием. Чиновник вытеснял антрополога из прикладных проектов потому, видимо, что ученому нужно время на поиск наиболее полных оснований для своего вывода (принятия решения), а чиновник, менеджер, управляющий должен принимать решения сейчас же. Более того, история Латинской Америки показывает, что социальные перемены осуществляются не столько планами (и силами) ученых, сколько социальными движениями масс (примеры – революции начала XX в. в Мексике, 1952 г. в Боливии, 1959 г. на Кубе). Однако и роль консультанта и эксперта, а также гражданская позиция ученого могут, как показывает латиноамериканский опыт, иметь определенный вес в решении социальных проблем.

Примечания:

- ¹ *Bonfil Batalla G.* México profundo. Una civilización negada. М., 1990. P. 46.
- ² Directorio de Organizaciones indígenas de América (2). Madrid, 1989. P. 51–52; ср.: *Barié C.G.* Pueblos indígenas y derechos constitucionales en América Latina: un panorama. La Paz, 2003 // <http://www.cdi.gob.mx/conadepi/iii/cletus>. P. 37–45)
- ³ Булла «Inter Caetera». N 2. 4 мая 1493 г. // Путешествия Христофора Колумба (дневники, письма, документы). М., 1952. С. 240, 242.
- ⁴ *Friederici G.* El carácter del descubrimiento y de la conquista de América. Mexico, 1973. P. 327.

- ⁵ *Konetzke R.* Introducción // Colección de documentos para la historia de la formación social de Hispanoamérica 1493–1810. Vol. I (1493–1592). Madrid, 1953.
- ⁶ *Saco J.A.* Historia de la esclavitud de los indios en el Nuevo Mundo seguida de la Historia de los repartimientos y encomiendas. La Habana, 1932. T. 2. P. 258.
- ⁷ *Ots Capdequi J.M.* El estado español en las Indias. Mexico, 1957. P. 31–36.
- ⁸ *Селиванов В.Н.* Культура колониальной Мексики // Культура Мексики. М., 1980. С. 56–57.
- ⁹ *Armillas P.* Programa de historia de América. Período indígena. Mexico, d. f., 1963. P. 91.

- ¹⁰ *Nahmad Sitton S.* Gobierno indigena y sociedad nacional // 7 ensayos sobre indigenismo. México, 1977. P. 5.
- ¹¹ Александренков Э.Г. Контакт культур или первоначальное накопление капитала? // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., 1992.
- ¹² *Stavenhagen R.* Reflexiones en torno a la problemática de la realidad indígena // Estudios Internacionales. Revista del IRIPAZ. 1993. Año 4. N 8. P. 135.
- ¹³ *Bonfil Batalla G.* México profundo. Una civilización negada. М., 1990. P. 157–159.
- ¹⁴ *Armillas P.* Programa de historia de América. Período idnígena. Mexico, d. f., 1963. P. 139.
- ¹⁵ *Armillas P.* Programa de historia de América. Período idnígena. Mexico, d. f., 1963. P. 141.
- ¹⁶ *Valcarcel L.E.* Ruta cultural del Peru. Mexico, 1945. P. 101.
- ¹⁷ *Armillas P.* Programa de historia de América. Período idnígena. Mexico, d. f., 1963. P. 140.
- ¹⁸ Колумбия // Латинская Америка. Энциклопедический справочник. М., 1982. Т. 2. С. 15.
- ¹⁹ *Файнберг Л.А.* Индейцы Бразилии. Очерки социальной и этнической истории. М., 1975. С. 139–152.
- ²⁰ *Armillas P.* Programa de historia de América. Período idnígena. Mexico, d. f., 1963. P. 134–135.
- ²¹ *Armillas P.* Programa de historia de América. Período idnígena. Mexico, d. f., 1963. P. 135.
- ²² *Borrero L. A.* Los Selknam (Onas). Su evolución cultural. Buenos Aires, 1991.
- ²³ *Мелья Б., Л. Миралья, М. и К. Мюнцель.* Агония индейцев аче-гуаяки. История и песни. М., 1982.
- ²⁴ *Bonfil Batalla G.* México profundo. Una civilización negada. М., 1990. P. 167.
- ²⁵ *Lomnitz, L. A.* Mexican Anthropology. Paper Presented at the XII ICAES. Zagreb 24–31. July 1988. Symposium «An Anthropology of Anthropology» (mimeografiado). P. 2–3.
- ²⁶ Цит. по: *Bonfil Batalla G.* México profundo. Una civilización negada. М., 1990. P. 164.
- ²⁷ *Bonfil Batalla G.* México profundo. Una civilización negada. М., 1990. P. 155.
- ²⁸ *Bonfil Batalla G.* México profundo. Una civilización negada. М., 1990. P. 170.
- ²⁹ Цит. по: *Comas J.* Tendencias de la antropología social y del indigenismo en México // Actas y memorias del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Vol. 3. Sevilla, 1966. P. 529.
- ³⁰ Цит. по: *Bonfil Batalla G.* México profundo. Una civilización negada. М., 1990. P. 171–172.
- ³¹ *Comas J.* Tendencias de la antropología social y del indigenismo en México // Actas y memorias del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Vol. 3. Sevilla, 1966. P. 537–538.
- ³² *Lomnitz, L. A.* Mexican Anthropology. Paper Presented at the XII ICAES. Zagreb 24–31. July 1988. Symposium «An Anthropology of Anthropology» (mimeografiado). P. 4.
- ³³ *Comas J.* Tendencias de la antropología social y del indigenismo en México // Actas y memorias del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Vol. 3. Sevilla, 1966.
- ³⁴ *Comas J.* Tendencias de la antropología social y del indigenismo en México // Actas y memorias del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Vol. 3. Sevilla, 1966. P. 532.
- ³⁵ *Lomnitz, L.A.* La etnografía y el desarrollo latinoamericano // Anuario Indígena. 1983. Vol. XLIII. N 2. P. 249–250.
- ³⁶ *Hernández Castillo R.A., R. Nigh.* Global Processes and Local Identity among Mayan Coffee Growers in Chiapas, Mexico // American Anthropologist. 1998. Vol. 100. N 1. P. 136–147.
- ³⁷ *Comas J.* Tendencias de la antropología social y del indigenismo en México // Actas y memorias del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Vol. 3. Sevilla, 1966. p. 532–533; см. также *Соколова.* 1992, 8–9)
- ³⁸ *Comas J.* Tendencias de la antropología social y del indigenismo en México // Actas y memorias del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Vol. 3. Sevilla, 1966. p. 540)
- ³⁹ *Comas J.* Tendencias de la antropología social y del indigenismo en México // Actas y memorias del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Vol. 3. Sevilla, 1966. 535)
- ⁴⁰ *Villa Rojas A.* Antropología aplicada e indigenismo en América Latina // América Indígena. 1971. Vol. XXI. N 1. P. 35.

- ⁴¹ *Lomnitz, L. A.* Mexican Anthropology. Paper Presented at the XII ICAES. Zagreb 24–31. July 1988. Symposium «An Anthropology of Anthropology» (mimeografiado). P. 6–7.
- ⁴² *Strug D.* Manuel Gamio, la escuela internacional y el origen de las excavaciones estratigráficas en las Américas // *América Indígena*. 1971. Vol. XXXI. N 4.
- ⁴³ *Leon-Portilla M.* La filosofía del indigenismo interamericano y los centros de adiestramiento // XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Actas y Memorias. Sevilla, 1966. Vol. 3. P. 484–485; *Comas J.* Tendencias de la antropología social y del indigenismo en México // Actas y memorias del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Vol. 3. Sevilla, 1966. P. 534; Escuela Nacional de Antropología e Historia // <http://www.enahweb.net/representacion>
- ⁴⁴ *Leon-Portilla M.* La filosofía del indigenismo interamericano y los centros de adiestramiento // XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Actas y Memorias. Sevilla, 1966. Vol. 3.
- ⁴⁵ *Comas J.* Tendencias de la antropología social y del indigenismo en México // Actas y memorias del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Vol. 3. Sevilla, 1966. P. 534.
- ⁴⁶ *Cámara Barbachano F.* Anthropology // Social sciences in Latin America. New York and London, 1967. P. 272.
- ⁴⁷ *Manners, Robert A.* Functionalism, Realpolitik, and Anthropology in Underdeveloped Areas // Theory in anthropology. A sourcebook / Ed. by Robert A. Manners and David Kaplan. Chicago & New York, 1971.
- ⁴⁸ *Comas J.* Tendencias de la antropología social y del indigenismo en México // Actas y memorias del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Vol. 3. Sevilla, 1966. P. 535–537.
- ⁴⁹ *Leon-Portilla M.* La filosofía del indigenismo interamericano y los centros de adiestramiento // XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Actas y Memorias. Sevilla, 1966. Vol. 3.
- ⁵⁰ *Sodi D.* Miguel León-Portilla y el indigenismo interamericano // *América Indígena*. 1971. Vol. XXXI. N 4. P. 851–852.
- ⁵¹ *Leon-Portilla M.* La filosofía del indigenismo interamericano y los centros de adiestramiento // XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Actas y Memorias. Sevilla, 1966. Vol. 3.
- ⁵² *Cámara Barbachano F.* Anthropology // Social sciences in Latin America. New York and London, 1967. P. 274–276.
- ⁵³ *Osterling J.P. and H. Martinez.* Notes for a History of Peruvian Social Anthropology, 1940–1980 // *Current Anthropology*. Vol. 24. N 3. P. 343.
- ⁵⁴ *Barié C.G.* Pueblos indígenas y derechos constitucionales en América Latina: un panorama. La Paz, 2003 // <http://www.cdi.gob.mx/conadepi/iii/cletus>. P. 471, 473.
- ⁵⁵ *Bourricaud F.* Cambios en Puno. Estudios de sociología andina. México, 1967. P. 21–22.
- ⁵⁶ *Osterling J.P. and H. Martinez.* Notes for a History of Peruvian Social Anthropology, 1940–1980 // *Current Anthropology*. 1983. Vol. 24. N 3.
- ⁵⁷ *Barraclough, S. L.* Land Reform in Developing Countries. The Role of the State and other Actors / United Nations Research Institute for Social Development. Grassroots Initiatives for Land Reform. June 1999. P. 14–16.
- ⁵⁸ *Albo X.* Rural Bolivia, do you speak English: reseña de la literatura sobre el mundo rural boliviano en lenguas extranjeras // *América Indígena*. 1983. Vol. XLIII. N 2. P. 397.
- ⁵⁹ *Santiana A.* Informe sobre estudios etnográficos realizados actualmente en El Ecuador // XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Actas y Memorias. Sevilla, 1966. Vol. 3. P. 6.
- ⁶⁰ *Lucena Salmoral M.* Informe sobre el indigenismo colombiano // *Antropología de España y América*. Madrid, 1977. P. 385–386; cp.: *Pineda Camacho R.* Etapas en la antropología colombiana // *El Espectador*. 29 julio 1979.
- ⁶¹ *Pineda Camacho R.* Etapas en la antropología colombiana // *El Espectador*. 29 julio 1979.
- ⁶² *Lucena Salmoral M.* Informe sobre el indigenismo colombiano // *Antropología de España y América*. Madrid, 1977. P. 386–387.
- ⁶³ *Lucena Salmoral M.* Informe sobre el indigenismo colombiano // *Antropología de España y América*. Madrid, 1977. P. 396.
- ⁶⁴ A questão indígena. La cuestión indígena. The indigenous issue / Departamento Cultural e de Divulgação. Ministerio das Relações Exteriores (s. l., s. f.). P. 45.

- ⁶⁵ Файнберг Л.А. Индейцы Бразилии. Очерки социальной и этнической истории. М., 1975. С. 151.
- ⁶⁶ Cardoso de Oliveira R. Aculturação e «fricção» interétnica // *América Latina*. 1963. N 3.
- ⁶⁷ Reunião Brasileira de antropologia // *América Latina*. 1963. N 3.
- ⁶⁸ Файнберг Л. Конец последней девственной земли // *Смит А. Мату-Гросу (Последняя девственная земля)*. М., 1977. С. 172.
- ⁶⁹ Figueiredo Montero C.A. de. The Indigenous Population in its Adaptation to the Natural Environment and before the Impact of the Present Process of Intensive Land Occupation of the Brazilian Amazonia // *Interaction of the Prehistoric Man and his Environment*. Mexico, 1981. P. 60.
- ⁷⁰ Figueiredo Montero C.A. de. The Indigenous Population in its Adaptation to the Natural Environment and before the Impact of the Present Process of Intensive Land Occupation of the Brazilian Amazonia // *Interaction of the Prehistoric Man and his Environment*. Mexico, 1981. P. 70, 72.
- ⁷¹ A questão indígena. La cuestión indígena. The indigenous issue / Departamento Cultural e de Divulgação. Ministerio das Relações Exteriores (s. l., s. f.). P.50–51.
- ⁷² Anuario. Instituto de Antropología e Historia. T. VII–VIII. Años 1970–1971. Caracas, 1972. P. 830.
- ⁷³ Tesler M. El indio en la República Argentina. Contribución al conocimiento de su pasado y presente // *América Indígena*. 1971. Vol. XXXI. N 4. P. 902–903.
- ⁷⁴ Márquez Miranda. Discurso, p. 1, 3; Герпепо Г. Антропология (наука о человеке) в Аргентине // *Пути развития зарубежной этнологии*. М., 1983.
- ⁷⁵ Колумбия // *Латинская Америка. Энциклопедический справочник*. М., 1982. Т. 2. С. 126–137.
- ⁷⁶ Cantoni W. Chile: Relations between the Mapuche and Chilean National Society // *Race and Class in Postcolonial Society. A Study of Ethnic Group Relations in the English-Speaking Caribbean, Bolivia, Chile and Mexico* / UNESCO. Paris, 1977.
- ⁷⁷ См.: Los pueblos indios y el desarrollo // *América Indígena*. 1983. Vol. XLIII. N 2. P. 241–246.
- ⁷⁸ Levi-Strauss C. La crise de l'anthropologie moderne // *Le Courrier UNESCO*. 1961. Vol. 11; Levi-Strauss C. A crise moderna da antropologia // *Revista da Antropologia*. 1962. Vol. 10. N 1–2.
- ⁷⁹ Frank A.G. Comment // *Current Anthropology*. 1968. Vol. IX.
- ⁸⁰ Aguirre Beltrán G. Actas del XLI Congreso Internacional de Americanistas. México, 1975. Vol. 1; Aguirre Beltrán G. El indigenismo y la antropología comprometida // *Anales de Antropología*. 1975. Vol. XII.
- ⁸¹ Baez Jorge F. Los indios y el estado mexicano desde la perspectiva antropológica // *América Indígena*. 1982. Vol. XLII. N 1.
- ⁸² Bonfil Batalla G. México profundo. Una civilización negada. М., 1990. P. 173–174.
- ⁸³ Molino Barrios R. Formas tradicionales de organización social y actividad económica en el medio indígena boliviano // *Anuario Indigenista*. 1982. Vol. XLII.
- ⁸⁴ Bonfil Batalla G. México profundo. Una civilización negada. М., 1990. P. 172–173.
- ⁸⁵ Bonfil G. El objeto de estudio de la antropología // *Nueva Antropología*. 1979. N 11. P. 22–23 (Comentarios). P. 22–23, 27–28.
- ⁸⁶ Diaz Polanco H. Indigenismo, populismo y marxismo // *Nueva Antropología*. 1978. N 9.
- ⁸⁷ Garcia Mora C. Exordio // *La quiebra política de la antropología social en México (antología de una polémica)* / Eds. A. Medina, C. Garcia Mora. T. 1. La Impugnación. México, 1983. P. 22.
- ⁸⁸ Lomnitz, L. A. Mexican Anthropology. Paper Presented at the XII ICAES. Zagreb 24–31. July 1988. Symposium «An Anthropology of Anthropology» (mimeografiado). P. 9.
- ⁸⁹ La quiebra política de la antropología social en México. Antología de una polémica / A. Medina, C. Garcia Mora (eds.). T. 1, 2. México, 1983, 1986; см. также: 7 ensayos 1977.
- ⁹⁰ Mosonyi E.E., Rafael Lopez Sanz. Hacia un nuevo enfoque antropológico de las sociedades minoritarias // *Economía y ciencias sociales*. 1970. Año XII. N 3. P. 66.

- ⁹¹ *Arvelo Jiménez N.* Development Programmes among Indigenous Populations of Venezuela and their Impact: a Critique // *Land, People and Planning in Contemporary Amazonia*. Cambridge, 1980. P. 211.
- ⁹² *América Latina: Etnodesarrollo y etnocidio*. San José, 1982. P. 23, 37–38.
- ⁹³ *Mosony E.* Sociedad Venezolana de Antropología Aplicada. Principios y objetivos de la nueva política indigenista // *Economía y ciencias sociales*. 1970. N 3; *Mosonyi E.E., Rafael Lopez Sanz.* Hacia un nuevo enfoque antropológico de las sociedades minoritarias // *Economía y ciencias sociales*. 1970. Año XII. N 3. P. 61–62; *González Nájuez O.* La antropología aplicada y el desarrollo regional de Venezuela // *Economía y Ciencias Sociales*. 1970. N 3; *Arvelo Jiménez N.* An Analysis of Official Venezuelan Policy in Regard to the Indians // *The situation of the Indian in South America* / Ed. by *W. Dostal*. Geneva, 1972. P. 35–37.
- ⁹⁴ *Coelho dos Santos S.* Construção de barragens e sociedades indígenas no Sul do Brasil // *América Indígena*. 1983. Vol. XLIII. N 2. P. 319–342.
- ⁹⁵ *Comas J.* Cien años de Congresos Internacionales de Americanistas. M., 1974. P. 82, 107–108.
- ⁹⁶ *América Latina: Etnodesarrollo y etnocidio*. San José, 1982. P. 23, 33.
- ⁹⁷ *Bonfil Batalla G.* El etnodesarrollo: sus premisas jurídicas, políticas y de organización // *América Latina: etnodesarrollo y etnocidio*. San José, 1982. P. 137–138, 142.
- ⁹⁸ *Varese S.* Límites y posibilidades del desarrollo de las etnias indias en el marco del estado nacional // *América Latina: Etnodesarrollo y etnocidio*. San José, 1982. P. 158–159.
- ⁹⁹ *Baez Jorge F.* Los indios y el estado mexicano desde la perspectiva antropológica // *América Indígena*. 1982. Vol. XLII. N 1. P. 120.
- ¹⁰⁰ *Aguirre Beltrán G.* El indigenismo y la antropología comprometida // *Anales de Antropología*. 1975b. Vol. XII. P. 38–55.
- ¹⁰¹ *Aguirre Beltrán.* Etnocidio en México: una denuncia irresponsable // *América Indígena*. 1975. Vol. XXXV. N 2. P. 407; см. также: *Aguirre Beltrán G.* Applied anthropology in Mexico // *Human Organization*. 1974. Vol. 33. N 1. P. 3–6.
- ¹⁰² См. например: *Ibarra M.* Organismos internacionales: instrumentos internacionales relativos a las poblaciones indígenas // *América Latina: etnodesarrollo y etnocidio*. San José, 1982.
- ¹⁰³ *Gonzalez Lorenzo E.M.* Los partidos políticos indios en Bolivia y Ecuador // *Iberoamerica. Horizonte Tercer Mundo. Tema especial Inmigrantes latinoamericanos en Europa* / *T. Calvo Bueza* (ed.) (CD-ROM), 1999.
- ¹⁰⁴ *Gonzalez Lorenzo E.M.* Los partidos políticos indios en Bolivia y Ecuador // *Iberoamerica. Horizonte Tercer Mundo. Tema especial Inmigrantes latinoamericanos en Europa* / *T. Calvo Bueza* (ed.) (CD-ROM), 1999; *Freidenberg F.* Indígenas y política en Ecuador: el movimiento Pachakutick // *Iberoamerica. Horizonte Tercer Mundo. Tema especial Inmigrantes latinoamericanos en Europa* / *T. Calvo Bueza* (editor) (CD-ROM), 1999.
- ¹⁰⁵ A questão indígena. La cuestión indígena. The indigenous issue / Departamento Cultural e de Divulgação. Ministerio das Relações Exteriores (s. l., s. f.). P. 41–43.
- ¹⁰⁶ *Barié C.G.* Pueblos indígenas y derechos constitucionales en América Latina: un panorama. La Paz, 2003 // <http://www.cdi.gob.mx/conade/pi/iii/cletus>. P. 399–402.
- ¹⁰⁷ *Barié C.G.* Pueblos indígenas y derechos constitucionales en América Latina: un panorama. La Paz, 2003 // <http://www.cdi.gob.mx/conade/pi/iii/cletus>. P. 507–508.
- ¹⁰⁸ Conclusiones y documentos. II Congreso de pueblos y organizaciones indias de sud América, 6–13 de marzo de 1983. La Paz, s. f.
- ¹⁰⁹ Un desafío para el indigenismo. Editorial // *Anuario Indigenista*. 1979. Vol. XXXIX. P. 7, 20.
- ¹¹⁰ Reunión Técnica de antropólogos y arqueólogos de América Latina y del Caribe // *Anuario Indigenista*. 1979. Vol. XXXIX.
- ¹¹¹ Seminario Técnico de Políticas y Estrategias de Educación y Alfabetización de Poblaciones Indígenas (En el contexto del Proyecto Principal de UNESCO), 4 al 9 de octubre de 1982 // *Anuario Indigenista*. 1982. Vol. XLII. P. 16.
- ¹¹² Los pueblos indios y el desarrollo // *América Indígena*. 1983. Vol. XLIII. N 2.
- ¹¹³ *Bonfil Batalla G.* México profundo. Una civilización negada. M., 1990. P. 176.

- ¹¹⁴ *Barié C.G.* Pueblos indígenas y derechos constitucionales en America Latina: un panorama. La Paz, 2003 // <http://www.cdi.gob.mx/conade/pi/iii/cletus>. P. 548–549.
- ¹¹⁵ A questão indígena. La cuestión indígena. The indigenous issue / Departamento Cultural e de Divulgação. Ministerio das Relações Exteriores (s. l., s. f.). P. 45–47.
- ¹¹⁶ *Lomnitz, L. A.* Mexican Anthropology. Paper Presented at the XII ICAES. Zagreb 24–31. July 1988. Symposium «An Anthropology of Anthropology» (mimeografiado). P. 4.
- ¹¹⁷ *Bonfil Batalla G.* The Indian and the Colonial Situation: the Context of Indigenist Policy in Latin America // The situation of the Indian in South America. Geneve, 1972. P. 23.
- ¹¹⁸ *Lucena Salmoral M.* Informe sobre el indigenismo colombiano // Antropología de España y América. Madrid, 1977. P. 395.
- ¹¹⁹ *Moynahan, B.* Brasil: La ultima frontera // El Pais Semanal. 17 de set. De 1978. N 75.
- ¹²⁰ *Besset D.* Urbanization in the Amazon Basin: Can Indigenous People Survive? // <http://ladb.unm.edu/retanets/plans/>

Литература

- Александренков Э.Г.* Контакт культур или первоначальное накопление капитала? // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М, 1992.
- Булла «Inter Caetera». N 2. 4 мая 1493 г. // Путешествия Христофора Колумба (дневники, письма, документы). М., 1952.
- Герреро Г* Антропология (наука о человеке) в Аргентине // Пути развития зарубежной этнологии. М., 1983.
- Колумбия // Латинская Америка. Энциклопедический справочник. М., 1982. Т. 2.
- Мелья Б., Л. Миралья, М. и К. Мюнцель.* Агония индейцев аче-гуаяки. История и песни. М., 1982.
- Селиванов В.Н.* Культура колониальной Мексики // Культура Мексики. М., 1980.
- Файнберг Л.А.* Индейцы Бразилии. Очерки социальной и этнической истории. М., 1975.
- Файнберг Л.* Конец последней девственной земли // *Смит А.* Мату-Гросу (Последняя девственная земля). М., 1977.
- Aguirre Beltran G.* Introducción // *Julio de la Fuente.* Relaciones interétnicas. М., 1965.
- Aguirre Beltrán G.* Applied anthropology in Mexico // Human Organization. 1974. Vol. 33. N 1.
- Aguirre Beltrán G.* Actas del XLI Congreso Internacional de Americanistas. México, 1975a. Vol. 1.
- Aguirre Beltrán G.* El indigenismo y la antropología comprometida // Anales de Antropología. 1975b. Vol. XII.
- Aguirre Beltrán.* Etnocidio en México: una denuncia irresponsable // América Indígena. 1975c. Vol. XXXV. N 2.
- Albo X.* Rural Bolivia, do you speak English: reseña de la literature sobre el mundo rural boliviano en lenguas extranjeras // América Indígena. 1983. Vol. XLIII. N 2.
- América Latina: Etnodesarrollo y etnocidio. San José, 1982.
- Anguiano M.* La etnología como factor de reforzamiento de la identidad étnica // América Indígena. Vol. XXXIX. N 3.
- Anuario. Instituto de Antropología e Historia. T. VII–VIII. Años 1970–1971. Caracas, 1972.
- Armillas P.* Programa de historia de América. Período idnígena. Mexico, d. f., 1963.
- Arvelo Jiménez N.* An Analysis of Official Venezuelan Policy in Regard to the Indians // The situation of the Indian in South America / Ed. by *W. Dostal.* Geneva, 1972.

- Arvelo Jiménez N.* Development Programmes among Indigenous Populations of Venezuela and their Impact: a Critique // *Land, People and Planning in Contemporary Amazonia*. Cambridge, 1980.
- Baez Jorge F.* Los indios y el estado mexicano desde la perspectiva antropológica // *América Indígena*. 1982. Vol. XLII. N 1.
- Barié C.G.* Pueblos indígenas y derechos constitucionales en América Latina: un panorama. La Paz, 2003 // <http://www.cdi.gob.mx/conadepi/iii/cletus>
- Barraclough, S. L.* Land Reform in Developing Countries. The Role of the State and other Actors / United Nations Research Institute for Social Development. Grassroots Initiatives for Land Reform. June 1999.
- Besset D.* Urbanization in the Amazon Basin: Can Indigenous People Survive? // <http://ladb.unm.edu/retanets/plans/>
- Bonfil G.* El objeto de estudio de la antropología // *Nueva Antropología*. 1979. N 11. P. 22–23 (Comentarios).
- Bonfil Batalla G.* The Indian and the Colonial Situation: the Context of Indigenist Policy in Latin America // *The situation of the Indian in South America*. Geneve, 1972.
- Bonfil Batalla G.* El etnodesarrollo: sus premisas jurídicas, políticas y de organización // *América Latina: etnodesarrollo y etnocidio*. San José, 1982.
- Bonfil Batalla G.* México profundo. Una civilización negada. M., 1990.
- Borrero L. A.* Los Selknam (Onas). Su evolución cultural. Buenos Aires, 1991.
- Bourricaud F.* Cambios en Puno. Estudios de sociología andina. México, 1967
- Cámara Barbachano F.* Anthropology // *Social sciences in Latin America*. New York and London, 1967.
- Cantoni W.* Chile: Relations between the Mapuche and Chilean National Society // *Race and Class in Postcolonial Society. A Study of Ethnic Group Relations in the English-Speaking Caribbean, Bolivia, Chile and Mexico* / UNESCO. Paris, 1977.
- Cardoso de Oliveira R.* Aculturação e «fricção» interétnica // *América Latina*. 1963. N 3.
- Coelho dos Santos S.* Construção de barragens e sociedades indígenas no Sul do Brasil // *América Indígena*. 1983. Vol. XLIII. N 2.
- Comas J.* La vida y la obra de Manuel Gamio // *Estudios antropológicos publicados en homenaje al doctor Manuel Gamio*. México, 1956.
- Comas J.* Tendencias de la antropología social y del indigenismo en México // *Actas y memorias del XXXVI Congreso Internacional de Americanistas*. Vol. 3. Sevilla, 1966.
- Comas J.* Cien años de Congresos Internacionales de Americanistas. M., 1974.
- Conclusiones y documentos. II Congreso de pueblos y organizaciones indias de sud América, 6–13 de marzo de 1983. La Paz, s. f.
- Declaración Panamá sobre autonomía de los pueblos indígenas // <http://www.mapuexpress.net/content/publications>.
- Un desafío para el indigenismo. Editorial // *Anuario Indigenista*. 1979. Vol. XXXIX.
- Diaz Polanco H.* Indigenismo, populismo y marxismo // *Nueva Antropología*. 1978. N 9.
- Directorio de Organizaciones indígenas de América (2). Madrid, 1989.
- Escuela Nacional de Antropología e Historia // <http://www.enahweb.net/presentacion>
- Figueiredo Montero C.A. de.* The Indigenous Population in its Adaptation to the Natural Environment and before the Impact of the Present Process of Intensive Land Occupation of the Brazilian Amazonia // *Interaction of the Prehistoric Man and his Environment*. Mexico, 1981.
- Frank A.G.* Comment // *Current Anthropology*. 1968. Vol. IX.
- Freidenberg F.* Indígenas y política en Ecuador: el movimiento Pachakutick // *Iberoamérica. Horizonte Tercer Mundo. Tema especial Inmigrantes latinoamericanos en Europa* / T. Calvo Bueza (editor) (CD-ROM), 1999.
- Friederici G.* El carácter del descubrimiento y de la conquista de América. México, 1973.
- García Mora C.* Exordio // *La quiebra política de la antropología social en México (antología de una polémica)* / Eds. A. Medina, C. García Mora. T. 1. La Impugnación. México, 1983.

- Gonzalez Lorenzo E.M.* Los partidos politicos indios en Bolivia y Ecuador // Iberoamerica. Horizonte Tercer Mundo. Tema especial Inmigrantes latinoamericanos en Europa / *T. Calvo Bueza* (ed.) (CD-ROM), 1999.
- González Nájuez O.* La antropología aplicada y el desarrollo regional de Venezuela // *Economía y Ciencias Sociales*. 1970. N 3.
- Hacia una arqueología social. Reunión en Teotihuacan (octubre de 1975). México, 1976
- Hernández Castillo R.A., R. Nigh.* Global Processes and Local Identity among Mayan Coffee Growers in Chiapas, Mexico // *American Anthropologist*. 1998. Vol. 100. N 1.
- Ibarra M.* Organismos internacionales: instrumentos internacionales relativos a las poblaciones indígenas // *América Latina: etnodesarrollo y etnocidio*. San Jose, 1982.
- Konetzke R.* Introduccion // *Coleccion de documentos para la historia de la formacion social de Hispanoamerica 1493–1810*. Vol. I (1493–1592). Madrid, 1953.
- Kroeber.* Anthropology. Race Language Culture Psychology Prehistory. New York et al., 1948.
- Leon-Portilla M.* La filosofía del indigenismo interamericano y los centros de adiestramiento // XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Actas y Memorias. Sevilla, 1966. Vol. 3.
- Leon-Portilla M.* Etnias indígenas y cultura nacional mestiza // *América Indígena*. 1979. Vol. 39. N 3.
- Levi-Strauss C.* La crise de l'anthropologie moderne // *Le Courier UNESCO*. 1961. Vol. 11.
- Levi-Strauss C.* A crise moderna da antropologia // *Revista da Antropologia*. 1962. Vol. 10. N 1–2.
- Lipschutz Al.* Marx y Lenin en la América Latina y los problemas indigenistas. La Habana, 1974.
- Lomnitz, L.A.* La etnografía y el desarrollo latinoamericano // *Anuario Indígena*. 1983. Vol. XLIII. N 2.
- Lomnitz, L. A.* Mexican Anthropology. Paper Presented at the XII ICAES. Zagreb 24–31. July 1988. Symposium «An Anthropology of Anthropology» (mimeografiado).
- Lucena Salmoral M.* Informe sobre el indigenismo colombiano // *Antropología de España y América*. Madrid, 1977.
- Manners, Robert A.* Functionalism, Realpolitik, and Anthropology in Underdeveloped Areas // *Theory in anthropology. A sourcebook* / Ed. by *Robert A. Manners* and *David Kaplan*. Chicago & New York, 1971.
- Molino Barrios R.* Formas tradicionales de organización social y actividad económica en el medio indígena boliviano // *Anuario Indigenista*. 1982. Vol. XLII.
- Mosony E.* Sociedad Venezolana de Antropología Aplicada. Principios y objetivos de la nueva política indigenista // *Economía y ciencias sociales*. 1970. N 3.
- Mosonyi E.E., Rafael Lopez Sanz.* Hacia un nuevo enfoque antropológico de las sociedades minoritarias // *Economía y ciencias sociales*. 1970. Año XII. N 3.
- Moynahan, B.* Brasil: La ultima frontera // *El Pais Semanal*. 17 de set. De 1978. N 75.
- Nahmad Sitton S.* Gobierno indígena y sociedad nacional // *7 ensayos sobre indigenismo*. México, 1977.
- Osterling J.P. and H. Martinez.* Notes for a History of Peruvian Social Anthropology, 1940–1980 // *Current Anthropology*. Vol. 24. N 3.
- Ots Capdequi J.M.* El estado español en las Indias. Mexico, 1957.
- Paz I.* Una nueva maniobra. El proyecto de Marginalidad // *OCLAE*. 1971. N 54.
- Pineda Camacho R.* Etapas en la antropología colombiana // *El Espectador*. 29 julio 1979.
- Por la liberación del indígena: documentos y testimonios. Buenos Aires, 1975.
- Los pueblos indios y el desarrollo // *América Indígena*. 1983. Vol. XLIII. N 2.
- A questão indígena. La cuestión indígena. The indigenous issue / Departamento Cultural e de Divulgação. Ministerio das Relações Exteriores (s. l., s. f.)
- La quiebra política de la antropología social en México. Antología de una polémica / *A. Medina, C. García Mora* (eds.). T. 1, 2. México, 1983, 1986.
- Reunião Brasileira de antropologia // *América Latina*. 1963. N 3.
- Reunión Técnica de antropólogos y arqueólogos de América Latina y del Caribe // *Anuario Indigenista*. 1979. Vol. XXXIX.

Ribeiro D. Uirá sai à procura de Deus. Ensaio de etnologia e indigenismo. Rio de Janeiro, 1976.

Rubio Orbe, G. La desaparición del doctor Manuel Gamio // América Indígena. 1971. Vol. XXXI. N 4.

Saco J.A. Historia de la esclavitud de los indios en el Nuevo Mundo seguida de la Historia de los repartimientos y encomiendas. La Habana, 1932. T. 2.

Santiana A. Informe sobre estudios etnográficos realizados actualmente en El Ecuador // XXXVI Congreso Internacional de Americanistas. Actas y Memorias. Sevilla, 1966. Vol. 3.

Seminario Técnico de Políticas y Estrategias de Educación y Alfabetización de Poblaciones Indígenas (En el contexto del Proyecto Principal de UNESCO), 4 al 9 de octubre de 1982 // Anuario Indigenista. 1982. Vol. XLII.

7 ensayos sobre indigenismo. México, 1977.

Sodi D. Miguel León-Portilla y el indigenismo interamericano // América Indígena. 1971. Vol. XXXI. N 4.

Stavenhagen R. Clases, colonialismo y aculturación: Ensayo sobre un sistema de relaciones interétnicas en Mesoamérica // América Latina. 1963. Vol. 6. N 4.

Stavenhagen R. Reflexiones en torno a la problemática de la realidad indígena // Estudios Internacionales. Revista del IRIPAZ. 1993. Año 4. N 8.

Strug D. Manuel Gamio, la escuela internacional y el origen de las excavaciones estratigráficas en las Américas // América Indígena. 1971. Vol. XXXI. N 4.

Tesler M. El indio en la República Argentina. Contribución al conocimiento de su pasado y presente // América Indígena. 1971. Vol. XXXI. N 4.

Valcarcel L.E. Ruta cultural del Peru. Mexico, 1945.

Varese S. Límites y posibilidades del desarrollo de las etnias indias en el marco del estado nacional // América Latina: Etnodesarrollo y etnocidio. San José, 1982.

Velho C.G. Through Althusserian Spectacles: Recent Social Anthropology in Brazil // Ethnos. 1982. Vol. 47. N 1–2.

Villa Rojas A. Antropología aplicada e indigenismo en América Latina // América Indígena. 1971. Vol. XXI. N 1.